

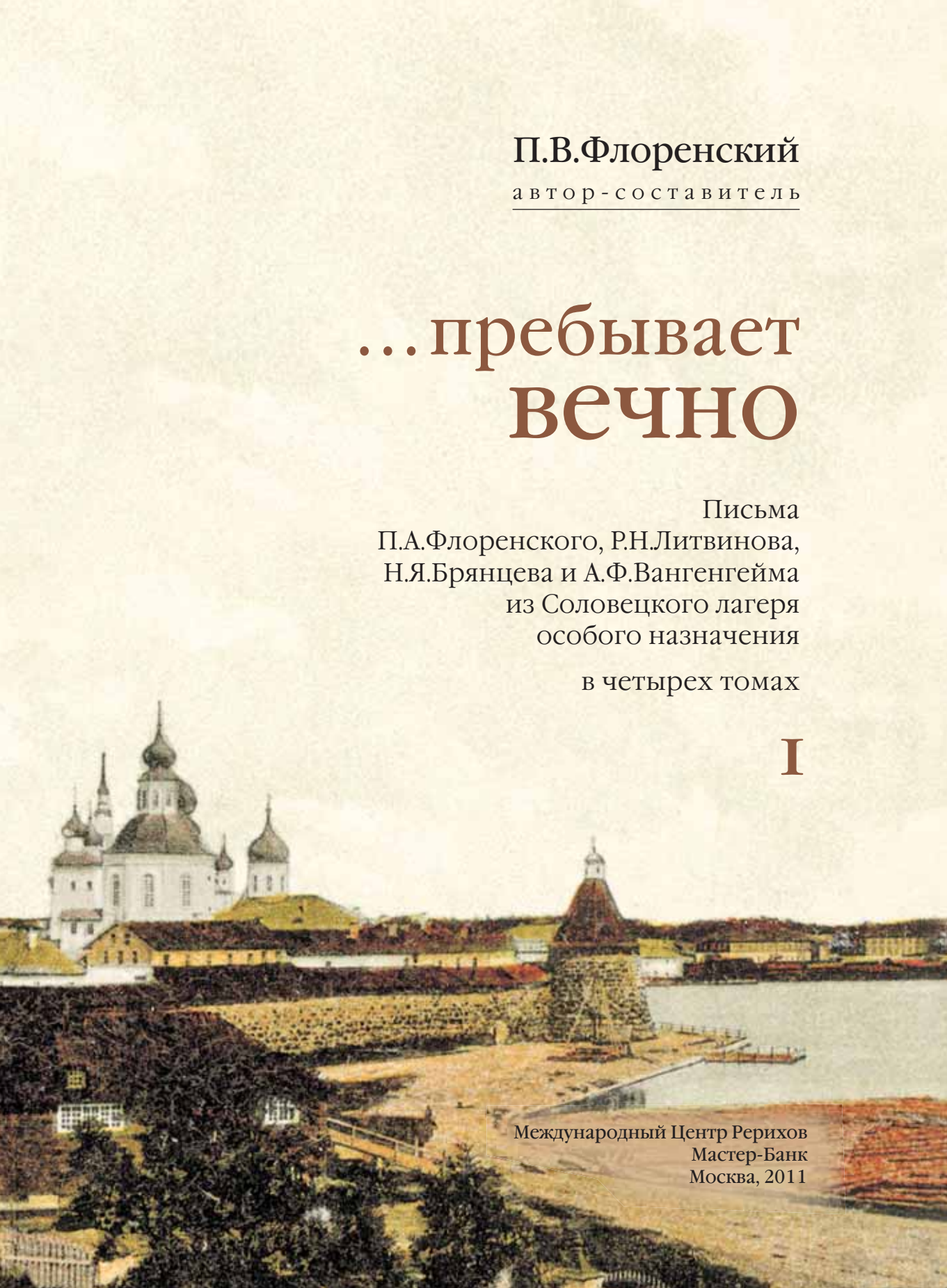
П.В.Флоренский

автор - составитель

... пребывает ВЕЧНО

Письма
П.А.Флоренского, Р.Н.Литвинова,
Н.Я.Брянцева и А.Ф.Вангенгейма
из Соловецкого лагеря
особого назначения
в четырех томах

I

Международный Центр Рерихов
Мастер-Банк
Москва, 2011

УДК 947:82(044)
ББК 63.3(2)–8
Ф69

Флоренский П.В.

Ф69 ...Пребывает вечно: Письма П.А.Флоренского, Р.Н.Литвинова, Н.Я.Брянцева и А.Ф.Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения. В 4 т. Т. 1 / Авт.-сост. П.В.Флоренский; Вступ. ст. П.В.Флоренский; Комм. П.В.Флоренский, И.С.Жарова, Л.В.Милосердова, А.И.Олексенко, А.А.Санчес, В.П.Столяров, В.П.Флоренский, Т.А.Шутова. – М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011. – 632 с., илл.

ISBN 978-5-86988-224-0

Вослед за апостолом Павлом, в I веке писавшим свои послания в узилищах по дороге к Риму – месту усекновения его главы, в крестном пути к казни создан ряд произведений. В XX веке их продолжило собрание писем к родным четырех собеседников и сокамерников, заключенных Соловецкого лагеря особого назначения, расстрелянных в октябре–декабре 1937 года.

Все четверо – люди незаурядные: священник, богослов и ученый Павел Флоренский, профессор, химик Роман Николаевич Литвинов, инженер, один из создателей Урало-Кузбасского комбината Николай Яковлевич Брянцев и также один из создателей Единой гидрометеослужбы СССР Алексей Феодосьевич Вангенгейм. Письма написаны в тяжелейших условиях лагеря, но исполнены удивительной силы духа, ощущения глубины и гармонии бытия. Они публикуются с обширными комментариями, сопроводительными статьями и справочным аппаратом. Особое значение имеет видовой ряд издания: документы и фотографии о концлагере, природе Соловков, портреты близких и родственников узников, а также иллюстрации к их рассказам. В первый том включены письма с 13 октября 1934 г. по 16 мая 1935 г.

Для П.А.Флоренского его письма стали четвертым философским трудом, генодицеей – оправданием семьи, рода. Ей предшествовала эгодицея – оправдание личности (неопубликованные письма юности), теодицея – оправдание Бога («Столп и утверждение Истины») и антроподицея – оправдание человечества («У водоразделов мысли», «Философия культа» и др. работы).

Как и послания Апостола, эти письма не документы зла и беззакония, а свидетельство величия человека, ни при каких обстоятельствах не отрекающегося от Истины и добра.

Издание адресовано всем интересующимся историей нашей родины.

УДК 947:82(044)
ББК 63.3(2)–8

ISBN 978-5-86988-224-0

© Архив семьи Флоренских, 2011
© Архив семьи Литвиновых, 2011
© Архив семьи Брянцевых, 2011
© Архив Э.А.Вангенгейм, 2011
© П.В.Флоренский, составление, 2011
© Международный Центр Рерихов, 2011

От составителя

Самое прочное, неуничтожимое и постоянно самообновляющееся в нашем дольном мире – то, что проработано человеческой мыслью. 21 сентября 1929 г. священник Павел Флоренский писал академику В.И.Вернадскому «о существовании в биосфере, или, быть может, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа». Далее он продолжает: «Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе». К этому П.А.Флоренский, ученый, придававший большое значение опытно-конкретному изучению вещества, добавил: «В настоящее время еще преждевременно говорить о пневмосфере как о предмете научного изучения; может быть подобный вопрос не следовало бы и закреплять письменно. Однако невозможность личной беседы побудила меня высказать эту мысль в письме»¹. Итак, мысль о пневмосфере сохранилась именно в письме. Любые письма, как и многие другие листочки исписанной бумаги, принадлежат пневмосфере, неотделимой от человека, усилиями которого и определяется «особая стойкость» ее «вещественных образований». Подчеркну, что П.А.Флоренский писал

¹ *Иеромонах Андроник*. Предисловие к работе священника Павла Флоренского «Микрокосм и Макрокосм» // Богословские труды. № 24. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1983; Письма П.А.Флоренского к В.И.Вернадскому / Публ. Ф.Перченка // Минувшее: Исторический альманах. № 1. Париж, 1986; Переписка В.И.Вернадского и П.А.Флоренского / Публ. П.В.Флоренского // Новый мир. 1989. № 2.

не о спиритуалистических конструкциях, а о свойствах материи, изучение которых является предметом науки.

В связи с устойчивостью пневмосферы сделаю отступление. «Рукописи не горят» – эти слова любят повторять как заклинание, ссылаясь на Михаила Булгакова. Но сказал-то их не писатель Булгаков, а герой его романа «Мастер и Маргарита» Воланд. «А вы читали “Синагогу Сатаны” Станислава Пшибышевского¹?» – спросил меня в связи с этой фразой Лев Николаевич Гумилев. Похвалив за положительный ответ, продолжал: «А как святая инквизиция определяла ведьм?» – «Связывали по рукам и ногам и бросали в воду. Если не тонет, левитирует, то ведьма – на костер, ну а если тонет, то “вечная память праведнице”». – «А как определяли еретические книги?» Я не помнил. «Вот то-то же. А это уже в компетенции Воланда, а Булгаков в этих вопросах разбирался. Кидали книгу в костер. Праведные книги прекрасно горят в огне, да хоть в фашистской Германии в тридцатых, но своих авторов Воланд оберегает. Не забывайте». Что ж, важное уточнение об особенности «особой сферы вещества в космосе» как «предмете научного изучения», а не спиритуалистических спекуляций. А природные явления не всегда наполнены Духом, хотя и через человека духом (с маленькой буквы) прорабатываются. Таков же наш, дольний мир, таково же и природное явление, наш, земной дух, который делает устойчивым любое вещество.

Павел Флоренский – один из плеяды людей универсального знания, из круга ученых, мыслителей-энциклопедистов в истории человечества. В Италии его называют «русским Леонардо», во Франции – «русским Паскалем». Можно добавить: «Ломоносов нового времени». Вот только время, в которое он жил, было одним из самых трагических в истории его Отчизны. Трудно перечислить отрасли знаний, в которые не внес бы он свой вклад, многое из этого было подхвачено и продолжено другими. «Поэт в России больше, чем поэт», и то же можно сказать и об ученом и мыслителе. Павел Флоренский – свидетельство тому. Его жизненный путь – личностный парафраз эпохи, а судьба – символ времени, которое пережил он вместе со своим народом. Он выстоял, несмотря на жестокие испытания, и верил в будущее, так что нам еще предстоит оценить и освоить неисчерпанную сокровищницу его трудов.

В творчестве П.А.Флоренского обычно выделяют два этапа, которые завершились основополагающими трудами. Теодицея, что

¹ *Пшибышевский С.* Синагога Сатаны. М.: Изд. «Польза», 1910.

в несколько упрощенном переводе значит оправдание, объяснение, обоснование Бога, – это книга «Столп и утверждение Истины» (1914), которая в подзаголовке даже имеет уточнение: «Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах», – единственный большой труд по философии, изданный при жизни, написанный, когда его автору было менее тридцати лет. Труд обращен к людям образованным, которые только входят в Церковь. Книга действительно сыграла большую роль в воцерковлении интеллигенции как Серебряного, так и нашего, «ядерного» века. Мои сверстники, рожденные в 1937 г., ее знали и читали в 1960–1970-е гг., когда чтение религиозной литературы было небезопасно. Флоренский был символом ученого-священника, погибшего в лагерях. О других не слыхали. Теперь забывается, что святоотеческой и вообще церковной литературы в эти годы не было, иметь ее было опасно. Даже в конце 1980-х гг. за Библию, обнаруженную таможенниками, человек становился по меньшей мере «невъездным». Имена церковных деятелей вообще, а имена религиозных философов особенно, вычеркивались и буквально и фигурально из любых упоминаний. Другой труд П.А.Флоренского – антроподицея, оправдание человека – создан зрелым сорокалетним мыслителем без надежды на издание и включает несколько томов, рукописи которых сохранила его семья. Теперь они изданы усилиями его внуков, и многое, особенно «Иконостас» (1922) и «Имена» (1926) (с 1988 г. издавались по частям в журнале «Социологические исследования»), органично вошло не только в науку, но и в общественное сознание и нередко цитируется как общеизвестное.

Однако в творчестве П.А.Флоренского, как и в его жизни, уместно выделить еще два этапа, которым соответствуют завершенные и совершенные литературные и философские произведения. Это его гимназические и студенческие письма семье – отцу, матери и близким и, симметрично, снова письма семье, но уже жене и детям как завершение творческого и жизненного пути. Письма из лагерей 1933–1937 гг. – труд последнего этапа творчества заключенного П.А.Флоренского. В них он передает накопленное своим детям, а через них всем людям, поэтому главное направление их мысли – род как носитель Вечности во времени и семья как главная единица человеческого общества. Средоточием переживаний становится единство рода, семьи и личности, личности оформленной, неповторимой, но в то же время тысячами нитей связанной со своим родом, а через него – с Вечностью, ибо «прошлое не прошло». Род в свою очередь обретает в семье рав-

новесие оформленных личностей, неслиянных и нераздельных, в семье происходит передача опыта рода от родителей к детям, дабы не «прервалась цепь времен»¹. По аналогии с предыдущими трудами письма из тюрем и лагерей можно назвать генодицея – оправдание рода, семьи.

Слово Флоренского – символ, т.е. оно всегда еще что-то. Это «что-то» должно быть раскрыто, и раскрыто тем, кто в той или иной степени сродствен автору по мироощущению, – отсюда обращенность к личности, лицу, а не к среднестатистическому индивиду, абстрактной публике. Поэтому можно ожидать, что центральный символ того или иного периода жизни, оформляющий его специфическую глубинную интуицию, в письмах будет нащупываться не сразу и лишь впоследствии оформляться, сопрягаясь с прошлым и настоящим опытом, насыщаясь многообразием перекликающихся, дополняющих друг друга смыслов. Как письма из лагерей, многие работы священника Павла Флоренского по сути своей – личные беседы или письма, наполненные интимным внутренним светом, играющим на гранях композиции, и обращенные к читателю-другу. Таков, например, его труд «Столп и утверждение Истины». Иногда письма, доработанные П.А.Флоренским, превращались в главы его трудов. Так, например, предисловие «На Маковце» к труду «У водоразделов мысли» выросло из письма к В.В.Розанову². Флоренский и его современники жили в «эпистолярное» время. Друг Флоренского В.В.Розанов назвал письма «золотой частью литературы». Жанр этот – один из самых древних: письма, найденные при раскопках, дают представление об ушедших цивилизациях, о личных отношениях людей, а письма апостолов, обращенные к близким людям или христианским общинам, составили часть Священного Писания.

Созданная «в узилище», или «в железах», литература, а особенно послания и письма, – никогда не выклинивающийся пласт культуры, в котором центральное место занимают послания Апостола Павла – небесного покровителя священника П.А.Флоренского. Более четырех лет перед казнь Апостол провел в тюрьмах, откуда рассылал свои послания. Прочитанные в буквальном, бытовом смысле, а не только как символы, послания Апостола и по композиции, и по лексике покажутся знакомыми

¹ В письме от 7 июля 1936 г. П.А.Флоренский приводит эти слова шекспировского Гамлета в более точном переводе: «время вышло из своих пазов».

² *Флоренский П.А.* Избранные произведения. В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 370.

тем, кто читал письма заключенных. Конкретные детали содержат, наверное, понятные лишь современникам иносказания и намеки, которые переплетаются с нравоучениями и объяснениями учения Церкви, становясь, с одной стороны, глубочайшими символами, а с другой – доказательствами не только духовной, но и земной правды происходившего.

Послания Апостола не рассчитаны на цензуру и неосторожно насыщены именами людей, названиями мест, указаниями на конкретные дела как соузников (что не разрешено современным тюремным режимом), так и находящихся на свободе единомышленников (что могло быть использовано для преследования их как христиан). Апостол рекомендует одних людей как истинных христиан другим, учит третьих и предупреждает о доносчиках: «Александр медник много сделал мне зла. <...> Берегись его и ты...» (2 Тим., 4:14–15). В посланиях, переданных ученикам на волю, есть радость Апостола за их успехи, беспокойство о здоровье телесном и душевном, жалобы на недостаток внимания к Учителю и, как обычно, приветствия и благие пожелания общим знакомым, и забота об ученике: «Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением» (1 Тим., 4:13). «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим., 5:23). Между строк – беспокойство – о книгах: «Когда пойдешь, принеси <...> книги, особенно кожаные» (2 Тим., 4:13).

В тюремно-лагерном зазеркалье Дальнего Востока и Соловков священник Павел Флоренский провел четыре с половиной года – 57 с половиной месяцев, с 26 февраля 1933 г. по 8 декабря 1937 г., – столько же, сколько был в оковах его небесный патрон. Это мученический крестный путь христианина, повторившего, как символ, крестный путь своего Небесного Покровителя. По-моему, он понимал это, в его письмах можно найти скрытые цитаты из посланий Апостола.

Публикуемый корпус писем из лагеря не имеет аналогов в истории человечества. Он подобен ткани, которую образуют нити-основы, исходящие из четырех центров-авторов к их женам, детям, матерям и сестрам, а на сложную эту основу ложится вьющийся из челнока непрерывно, как пряжа Парки, уток – нить, переходящая из одного письма в другое, от адресата к адресату. Ее толщина меняется, разнообразна расцветка, и ткань оказывается то плотнее, то реже, окрашиваясь разным смыслом и содержанием. Это на редкость цельное и совершенное по внутренней структуре литературное произведение, оно имеет стройную

и прочную структуру: выраженную завязку-фундамент, медленно развивающийся сюжет и неизбежное трагическое завершение, вплоть до подведения итогов и болезненного стремления успеть в оставшихся страничках передать детям как можно больше. Более того, как в классической драматургии, здесь есть единство места, времени и действия. Однако классическое литературное произведение по определению есть вещь в себе, со своим пространством-временем, ни к кому не обращенным, никому не предназначенным, которое живет само по себе, имеет четкие границы, начало и конец. Письма – часть реальной жизни, в жизненном пространстве и времени, которые не имеют ни конца, ни начала, ни границ. В то же время присутствует целостность и в стиле, и в развитии от письма к письму отдельных сюжетов, вплоть до фенологических наблюдений, упоминаний людей и понятий, что проявилось при составлении комментариев. А сходные или одни и те же мысли, повторенные разным адресатам, в разное время и в разном контексте, придают тексту гетерофоническую структуру, характерную для многоголосия русской народной песни. Столь пристальное внимание к композиции писем не случайно. В письмах своим детям П.А.Флоренский подчеркивал, что понять произведение можно, лишь открыв закон его композиции. Текст, расчлененный на отдельные фрагменты, связанные созвучиями и перекликающимися темами, вообще характерен для Флоренского. Так построены и «У водоразделов мысли», и знаменитый «Столп и утверждение Истины». Это «полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом в противоположность подчинению». «Не отношение к ближайшим предшествующим и непосредственно последующим высказываниям мотивирует данное, но отношение этого последнего к целому, как это вообще бывает во всем живом, тогда как свойство механизма – иметь части, зависящие только от ближайших смежных, прямо к ней подсоединенных»¹.

Спустя десятилетия реальное пространство-время переписки сгущается, обособляясь от хронотопа исторического, и она приобретает символическое значение. Мерцающей неустойчивостью эпистолярное наследие производит впечатление живого организма, что свойственно истинным произведениям искусства, а отсутствие очерченных границ делает письма похожими на биосферу или кусочек ее – лес, океан, саванну со стадами или рой пчел, муравейник. Подобное сопоставление не случайно: сам П.А.Флоренский называл свое мышление органическим и обрисо-

¹ *Флоренский П.А.* Избранные произведения. Т. 2. С. 30–31.

вал его специфику во вступлении «Пути и средоточья» к своему фундаментальному труду «У водоразделов мысли»: «Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же»¹.

Важность сохранения и публикации семейной переписки объяснил сам П.А.Флоренский в письме своей сестре Ю.А.Флоренской от 30 декабря 1916 г. из Сергиева Посада в Москву. Приведу фрагмент его, который мог бы стать эпиграфом к данной публикации: «Я давно думаю об основании “семейного” издательства, т.е. нашем и м.б. некоторых друзей. Цель его – собирать документы, воспоминания, сведения о разных лицах нам близких, с нами знакомых и т.д., т.е. тут будут воспоминания, дневники, письма, монографии и биографии о лицах и вопросах, генеалогий и т.п., собрания сочинений. Некоторые выпуски издательства предполагаю делать более интимными и не пускать в продажу, покрывая расходы на них из других, продаваемых. Вообще же это предприятие мне представляется не доходным, а лишь себя окупающим. <...> Вообще же подумай об этом круге предприятий. Я думаю, это не легко лично для нас, но и общественно и научно они представляют значительность».

Поэтому будет уместно рассказать о некоторых событиях, связанных с сохранением частной переписки священника Павла Флоренского и выходом ее за рамки семейного предания в пневмосферу. Эта история – пример того, как формируется, как создается пневмосфера через человеческие деяния любви, преодолевая ловушки зависти и своекорыстия.

В 1920-е гг. письма, перевязанные в стопочки и пронумерованные самим П.А.Флоренским, были в его доме в Сергиевом Посаде. Вскоре это стало небезопасно, как, впрочем, стало небезопасно и вообще жить. Тем не менее, эти связки бережно сохранялись на чердаке, в чулане, на книжных шкафах. При аресте и затем конфискации в 1934 г. библиотеки письма и рукописи П.А.Флоренского чудом сохранились. Подчеркиваю, чудом. В Москве архив его сестры Ю.А.Флоренской хранился в ее комнате в Хрущевском переулке, в полуподвале особняка, где она жила и где теперь находится музей А.С.Пушкина. После ее смерти в 1948 г.

¹ *Флоренский П.А.* Избранные произведения. Т. 2. С. 27.

письма были перевезены в Загорск. Письма, хранившиеся у матери, О.П.Флоренской, в том числе и письма младшего брата Павла Александровича А.А.Флоренского, тоже репрессированного, после ее смерти в 1951 г. были перевезены также в Загорск. В Тифлисе, в 1938 г., семейный архив вывезла к себе в дом на Малотрибунальной улице их сестра Елизавета Александровна Кониева (Кониашвили). Дом ее находился на склоне Давидовской горы, в старых кварталах города, вверх по склону прямо от памятника Шота Руставели. В конце 1950-х гг. ее дочь Ольга Георгиевна Кониашвили большую часть тифлисского семейного архива перевезла к себе на Пекинскую улицу, в новый многоэтажный дом, против глухого, без окон, торца здания архива КГБ. Ольга Георгиевна была широко образованным человеком, прекрасной театральной художницей, позже она работала художником в археологических институте и музее.

В 1962 г., когда я гостил у нее в Тбилиси, она передала мне письма П.А.Флоренского, значительную часть переписки его сестер Юлии и Ольги и часть переписки родителей П.А.Флоренского. Целую наволочку, которую я со страхом упрятал в свой полевой рюкзак. Со страхом, потому что в это время имя хотя и реабилитированного, но все же репрессированного деда было еще под запретом, распространявшимся и на его сочинения. Пожалуй, самым страшным компроматом виделась картина М.В.Нестерова «Философы» (1917), фотографию которой как-то по секрету, заперев комнату, показала мне бабушка Анна Михайловна. Тем не менее, тогда, на Кавказе, я прикоснулся к тому, о чем мы все в семье постоянно думали, но молчали. Письма студента Павла Флоренского казались относительно безопасными, и я начал их переписывать, а потом перепечатывать. Никакой надежды на публикацию писем, конечно, не было, как исключалась для нас их передача за границу.

С этого года, собственно, и начался посмертный этап жизни Флоренского. Для меня же это стало второй, тайной жизнью, в чем меня очень поддерживала бабушка. В такой обстановке в 1967 г. к работе над письмами П.А.Флоренского присоединился Алкаен Альбертович Санчес. Его отец Альберто – замечательный испанский художник и скульптор, скончавшийся в Москве, друг Пабло Неруды, Гарсиа Лорки и Пабло Пикассо, а мать – героическая Клара, секретарь легендарной Пассионарии (Долорес Ибаррури). Работали мы с моим другом «подпольно», так, чтобы не подвергать близких опасности: ведь в это время разыскивали и отдавали под суд диссидентов. В день, когда отсутствовала юная жена Алкаена,

я приходил в его квартиру на Ленинском проспекте, и мы принимались за дело. Я разбирал довольно сложный почерк автора и диктовал, а он печатал на своей портативной машинке. В удачные дни получалось до десяти страниц машинописи. Письма мы печатали в пяти экземплярах, сколько могла взять машинка. Вторым экземпляром отдавали Анне Михайловне Флоренской в Загорск, остальные хранил я. Вообще-то, по договоренности, третий экземпляр считался Алкаеновым, но и его я уносил с собой, ибо велик был страх и за письма, и за себя. Таким образом мы распечатали почти весь корпус писем П.А.Флоренского, привезенный мною из Тифлиса. Анна Михайловна, видя наши усилия, передала нам, как теперь я понимаю, абсолютно бесценное: письма деда из тюрем и лагерей. Позже она присоединила к ним и другие немногочисленные разрозненные письма. Ко времени отъезда Алкаена из России в Испанию нами была перепечатана большая часть писем из лагерей: с Дальнего Востока и Соловков. Когда в 2003 г. в Испании, после тридцатилетней разлуки, мы встретились с Алкаеном, теперь уже преподавателем арабского языка в Мадриде, я спросил его: «А ведь страшно было тогда?» Он согласился: мол, страшно, и, помолчав, добавил: «Зато как хорошо: православный и католик работали, оглядываясь на дверь, тайно, над рукописями православного священника, принявшего мученическую кончину».

К концу 1980-х гг. публикация писем стала реальной, и в разных изданиях появились подборки фрагментов и некоторые письма целиком. Затем грянул обвал публикаций трудов П.А.Флоренского и статей о нем в СССР и за рубежом. Его имя вошло в обиход тех, кого принято упоминать. С упорством филателиста я долгие годы собирал упоминания имени П.А.Флоренского в печати и электронных СМИ¹. Когда-нибудь стоит проанализировать изменение его облика в глазах прессы. Мои усилия легко растворяются в общем движении освоения наследия П.А.Флоренского, тем более, что теперь собирать библиографию о нем мне одному стало не

¹ См.: Интернет о Флоренских // Инф. бюллетень ОНЦКМ. № 4–1 (февраль, 2006) // Сост. Ю.П.Карпенко, П.В.Флоренский; Интернет о Флоренских // Инф. бюллетень ОНЦКМ. № 4–2 (март, 2006) // Сост. Ю.П.Карпенко, П.В.Флоренский; П.А.Флоренский: Прижизненные упоминания, рецензии, отклики // Инф. бюллетень ОНЦКМ. № 4–3 (май, 2006) // Сост. П.В.Флоренский; П.А.Флоренский: Посмертные упоминания, рецензии, отклики (1938–1984) // Инф. бюллетень ОНЦКМ. № 6/н (ноябрь, 2006) // Сост. П.В.Флоренский; *Флоренский П.В.* Священник Павел Флоренский: материалы к библиографии (1904–1983 гг.) // П.А.Флоренский и А.Ф.Лосев: род, миф, история // Альманах «София». Уфа, 2007. С. 9–62.

под силу – ее вполне могут готовить другие¹. Но, как внук и сын, я хочу напомнить забываемое и для чужих в общем-то непринципиальное: облик священника Павла Флоренского как личности и его наследие сохранили его жена Анна Михайловна, старший сын – Василий Павлович, мать Ольга Павловна и его сестры, а вернули людям его второй сын – Кирилл Павлович и внуки. К 100-летию со дня рождения П.А.Флоренского, когда его наследие стало востребовано, мы оказались готовыми передать обществу его труды. Усилия семьи, сначала тайные, со страхом, потом за счет личных интересов и времени, порой приводящих к изменению жизненного пути, были сосредоточены на этом, как мы считаем, главном семейном деле. Исполнилось предсказанное П.А.Флоренским в письмах из Соловецкого концлагеря, когда он писал, что его мысли будут востребованы через пятьдесят лет: в 1990 г. в партийном издательстве «Правда» вышел двухтомник работ священника Павла Флоренского. Горжусь тем, что убедил редакцию во втором томе издать «Столп...» факсимильно².

Сначала соловецкие письма мне удавалось публиковать в журналах и сборниках, по одному–три письма или же в подборке цитат. Они оказывались композициями, подобранными как комментарий к его биографии или касающиеся частных вопросов: Флоренский о предках и родственниках, о литературе и писателях, об Андрее Белом, о музыке и музыкантах, о водорослях или о воспитании детей. Однако большие подборки и тем более весь корпус писем стали осознаваться как целостное произведение, своеобразная автобиография. Более того, это было еще и стремлением дать беспристрастную оценку пройденному, наметив пути, которые уже видны, но по которым суждено пройти другим – детям, внукам... В письмах, словно зерна, разбросаны мысли, идеи, ждущие всхода. Примечательно, что стиль соловецких писем в полном их объеме созвучен таковому прежних произведений Флоренского: мозаичность и фрагментарность текста дает простор органически зреющей мысли, дает единство и связность на более глубоком уровне. Мертвая мысль ярко блестит, а живая мерцает, подобно бликам солнца в волнах, перетекая от одного предмета к другому. Письма писались для любимых, единственно близких ему людей, несмотря на расстояния и море, окружающее тюрьму,

¹ См.: П.А.Флоренский. Личность и творчество: К 125-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель / Сост. Е.Б.Красавцева, Н.А.Дыркова; ред. Ю.Е.Гимова. Сергиев Посад, 2007.

² *Флоренский П.А.* Избранные произведения. В 2 т. М.: Правда, 1990.

как ров средневековую крепость. Думал ли он обо мне, посвятившему жизнь подготовке к печати того, что он писал из тюрьмы? Подойдя к письмам с позиций самого Флоренского, А.И.Олексенко сумел увидеть в них систему символов: «В забайкальский период были свежи переживания о трагическом “перерыве” и предшествовавших ему тяжелых годах. Вновь и вновь звучит мотив смирения себя, дабы преодолеть хаос мира, не дать собственной душе ввергнуться в этот хаос. На первом плане – волевое начало, Высшая Воля, о которой не случайно пишет Флоренский. На Соловках постепенно выступает другая тема – тема воплощения, воплощения себя в детях и тем самым преодоление Времени. “Воплощение есть основная заповедь жизни, – Воплощение, т.е. осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи” (письмо от 25 августа 1936 г.). И быть может, далеко не случайно Воплощение пишется Флоренским с большой буквы, как и прежде упоминание о Высшей Воле, напоминая нам о главном Воплощении, единожды совершившимся в истории мира»¹.

Для меня, публикатора самого интимного наследия Флоренского – его писем к близким, – он всегда был родным, дедом. В общественном сознании это священник, подвергшийся сталинским репрессиям. Для православных христиан он исповедник, хотя и не канонизированный мученик, ибо для богословов он слишком уж образованный священник. На другой план отодвинулось то, что П.А.Флоренский развивал идеи В.С.Соловьева о всеединстве, формулировал и создавал целостное мировоззрение, вел обширную научную работу. Теперь, спустя почти три четверти века, вписать труды и личность Павла Флоренского в контекст мировой культуры пытаются многие. Одной из лучших попыток в этом направлении является раздел в книге Л.В.Шапошниковой «Вселенная Мастера»², посвященный Павлу Флоренскому, написанный ученом-востоковедом, хранителем наследия другого великого мыслителя Николая Рериха, также принадлежащего мировой культуре. В этой работе она находит место Флоренскому среди ученых – создателей науки будущего: «Флоренский был одним из тех, через которого космическая эволюция, если можно так сказать, проводила свой

¹ Олексенко А.И. О символах лагерных писем о Павла Флоренского // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 159.

² Шапошникова Л.В. Великое путешествие. В 3 кн. Кн. 3: Вселенная Мастера. М.: МЦР: Мастер-Банк, 2005. С. 611–743; она же. «О, вещая душа моя!» // Культура и время. 2007. № 1. С. 4–35.

план формирования новой эпохи и нового человека. <...> Пожалуй, в группе четверых выдающихся ученых <...> он был самым сложившимся для новой грядущей эпохи космической эволюции. Можно предположить, что именно это обстоятельство и привело его к ранней гибели, определенной теми силами, которые противостояли, противостоят и еще будут противостоят этой эволюции, мешая и замедляя путь человечества к вершинам совершенства и расширенного сознания»¹. И еще: «Флоренский был одним из немногих, кто ощущал настоятельную необходимость создания новой системы познания и новой науки, как говорил он сам, той науки, которая вберет в себя многовековой опыт человеческого познания, “очеловечится” и получит возможность приблизиться к вечным и непреходящим истинам самой Реальности. <...> Если говорить смело, то он был для нас посланником той Реальности, эволюционное взаимодействие с которой уже требовало новой системы познания, новой науки, нового космического мышления. Он нес все это нам»².

Казалось, что от деда меня отделяла непреодолимая по времени пропасть. Его время – и мое... То, что я вырос среди людей, знавших и любивших его, было естественно, а потому и недооценено. Преступно недооценено все то, что я не запомнил и не записал со слов старших. А они не хотели диктовать, как и я, ленились, оправдываясь спецификой времени, в котором прожили всю жизнь. Но кроме родственников были и знакомые, помнившие деда. Я собирал все упоминания о нем в печати, но живых людей пропускал: успею еще. Сознательно и планомерно я стал собирать сведения о соловецком периоде, когда погрузился в его письма, – с начала 1960-х гг. Стал собирать сведения о солдагерниках деда, искать их потомков. Поэтому встречи с ними не случайны, но каждая была чудом. В результате сложилось представление о том, как и с кем дед провел три последних года жизни.

Чтобы лучше понять наше прошлое и предвидеть будущее, стоит пристальной взглянуть в настоящее жителей той далекой эпохи, отследить этапы их жизненного пути, что раскрывает нам обширное эпистолярное наследие и Павла Флоренского, и ставших ему близкими в этот период людей – Р.Н.Литвинова, Н.Я.Брянцева и А.Ф.Вангенгейма. Так родилась идея объединить в одной книге письма всех четверых. Их «прямая речь» наиболее точно и полно

¹ Шатошникова Л.В. Великое путешествие. Кн. 3: Вселенная Мастера. С. 640.

² Там же. С. 716–717.

передает ощущение времени и образ людей той поры. Это и есть главная цель настоящего издания – воссоздать картину времени чрез видение его глазами живших тогда людей. Чтобы помнить, чтобы знать, как жить дальше...

Я поразился сходству биографий авторов публикуемых писем. Все четверо родились в семьях государственных служащих, чиновников разного ранга, и были людьми широко образованными и активными, уделявшими много времени и сил воспитанию своих детей. Двое старших – П.А.Флоренский и А.Ф.Вангенгейм – окончили Московский университет, младшие – Н.Я.Брянцев и Р.Н.Литвинов – выпускники Варшавского политехнического.

Старшие завершили образование и начали трудиться на государственной службе еще в первое десятилетие XX в., а к 1917 г. занимали заметное место в области своей специализации. Младшие к началу Первой мировой войны только-только закончили образование. Но с начала 1920-х гг. жизни всех четверых синхронны как между собой, так и с ритмом страны. Все четверо стали лидерами на избранных ими поприщах. Однако, будучи по происхождению «из бывших», они не всегда «вписывались» в окружающую обстановку, проходя через чистки и проверки, но сохраняя при этом честь и достоинство. К моменту ареста все четверо – крупные специалисты, отцы семейств, безумно любящие своих жен и детей. В той или иной степени они были знакомы друг с другом раньше – непосредственно или понаслышке...

Все четверо были арестованы почти одновременно и по абсурдным обвинениям и прибыли в лагерь от 1 сентября 1933 г. (Брянцев) до 23 октября 1934 г. (Флоренский). В Соловках они быстро нашли друг друга, а моральную опору им составляли семьи – героические жены, матери, сестры и достойные дети, которым они в очень похожей форме пытались передать свой жизненный опыт.

Практически весь соловецкий период вместе с П.А.Флоренским находился удивительный человек – Роман Николаевич Литвинов. Его сын Николай Романович разрешил опубликовать фрагменты сохранных писем отца¹. В них – недостающие детали работы и быта заключенных, описание тех же эпизодов, но с другой точки зрения, а выражение трогательной любви к жене и маленькому

¹ См.: *Флоренский П.А., священник. Сочинения*. В 4 т. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С.Трубачева), П.В.Флоренского, М.С.Трубачевой. М.: Мысль, 1998. С. 742, 743, 746, 748, 749, 764, 775, 776, 778.

сыну оттеняет сдержанность П.А.Флоренского. Многое из написанного близким трудно читать. Наверное, «з/к з/к» Флоренский П.А. и Литвинов Р.Н. сидели нередко за одним столом, вырывали листы бумаги из одной тетради, писали одними чернилами и даже иногда одним пером. Время сжалось для меня, и я почти буквально соприкоснулся с Соловецким лагерем, когда познакомился с Николаем Романовичем Литвиновым. Об этом расскажу подробнее. В 1992 г. я был участником экологической экспертизы города химиков Дзержинска под Горьким. На обратном пути, в поезде, одна из участниц спросила меня: «А вам ничего не говорит фамилия Литвинов?» Я не понял, а она уточнила, говоря, что Литвинов был на Соловках. К тому времени я уже знал имя этого последнего близкого моему деду человека. Оказалось, что сия дама работала с сыном Р.Н.Литвинова, Колькой, как я называл его по письмам, в момент нашего разговора уже пенсионером. Я списался с ним и вскоре приехал в гости в Горький. Очень жалею, что не удалось встретиться с Варенькой, Варварой Сергеевной, вдовой Романа Николаевича, ее не стало в начале 1992 г. Все письма мужа – более сотни – она сохранила. В первый приезд я смог ксерокопировать только малую их часть и для скорости начал читать оставшиеся на магнитофон. Поднял голову, а сидящий рядом Николай Романович, впервые слушая эти письма, плакал. Он умер в 2000 г., а с его сыном, как и дед, Романом Николаевичем мы 8 декабря 2007 г., в день 70-летия со дня гибели осужденных, побывали на двух полигонах в Ленинградской области, где в 1937 г. для них были вырыты братские могилы. Полагали, что наши деды лежат в какой-то из них рядом¹...

Так же неожиданно и промыслительно было знакомство с внуком Николая Яковлевича Брянцева – Игорем Николаевичем Брянцевым. Однажды в Московском театре русской драмы «Камерная сцена» давали пьесу «Куликово поле» по одноименной повести И.С.Шмелева. В ней рассказывается о том, что некий тульский крестьянин нашел на дороге, пролегающей через Куликово поле, старинный крест, принадлежавший, вероятно, одному из участни-

¹ Существует по крайней мере два предположения о месте расстрела этапа, в который были включены П.А.Флоренский и Р.Н.Литвинов. Одно, по расследованиям, проведенным НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), – урочище Койранкангас, известное как Ржевский артиллерийский полигон, в районе поселка Токсово (Ленинградская область). Этот полигон использовался как место расстрела с 1918 г. В 1930-е гг. на нем было расстреляно не менее 30 000 человек. Другое, по расследованиям Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, – район Лодейного Поля.

ков битвы. Крест он хотел бы передать бывшему владельцу этих земель, графу, собирателю древностей, но граф живет в Сергиевом Посаде, и крестьянин не знает, как это сделать. Однажды в пустынном поле он встречает Странника в монашеской одежде, который берется передать крест по назначению. И крест действительно в тот же вечер принесен незнакомым монахом графу, который верит, что свершилось чудо: к ним явился сам Преподобный Сергей, ибо лицо старца было поразительно схоже с ликом иконы Преподобного, висящей в комнате.

Нужно сказать, что эта повесть написана на основе реальных событий. В 1920-е гг. И.С.Шмелев жил в Сергиевом Посаде. По-видимому, тогда кто-то и поведал эту историю Ивану Сергеевичу. Прототип героя повести – граф Юрий Александрович Олсуфьев. В доме его племянницы Екатерины Павловны Васильчиковой я не раз прикасался к этому кресту и слушал от нее это семейное предание.

Мы обсуждали события в пьесе с режиссером-постановщиком, и тут присутствующая дама повторяет слова, слышанные мной о Литвинове: «А что вам говорит фамилия Брянцев?» Оказалось, передо мной – Наталия Владимировна Брянцева, жена внука Николая Яковлевича Брянцева. Вдова Николая Яковлевича Эльвира Георгиевна сохранила более сотни писем мужа из Соловецкого концлагеря.

О встречах А.Ф.Вангенгейма с дедом в лагере я не знал. Звонок по телефону: «Говорит Элеонора Алексеевна Вангенгейм. Павел Васильевич, в комментариях к письмам Вашего деда, в четвертом томе, есть ошибка. Задачки по арифметике с наклеенными листочками и цветами посылал не тот, кого вы указали. Это мой папа посылал мне». Я давно знал Элеонору Алексеевну как коллегу-геолога. Был знаком с ней и по «Мемориалу». Я растерялся и попросил доказательств. – «Да вот они, передо мной, эти письма». Хочется надеяться, что одним из импульсов, приведших к появлению великолепного издания писем А.Ф.Вангенгейма¹, были и мои разговоры с Элеонорой Алексеевной о необходимости их публикации.

Вот так и сложилось, что из множества заключенных, находившихся в Соловецком лагере вместе с П.А.Флоренским, оказались выбраны именно эти люди – Р.Н.Литвинов, Н.Я.Брянцев и А.Ф.Вангенгейм.

¹ Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм / Авт.-сост. В.В.Потапов, Э.А.Вангенгейм. М., 2005.

* * *

Письма П.А.Флоренского изданы с точным воспроизведением по оригиналам, сохранением авторского текста и сокращений слов, особенностями орфографии и пунктуации – поэтому читатели не должны воспринимать их как ошибки. О неслучайности авторской пунктуации Павел Александрович писал жене 10 ноября 1936 г. Слова, написанные не по правилам современной орфографии, помечены звездочкой. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

В письмах заключенных Романа Николаевича Литвинова, Николая Яковлевича Брянцева и Алексея Феодосьевича Вангенгейма, по желанию родственников, сделаны пропуски, касающиеся семейных дел. Их письма даны с раскрытием в квадратных скобках сокращенных слов, в современной орфографии и пунктуации; явные описки исправлены.

Сохранена приставка *без* вместо *бес* как принципиально значимая для писавших. По словам Е.М.Григоровой, так писали, чтобы не поминать лукавого, ибо «бессильный» в этом случае оказывался «сильным бесом».

Некоторые письма заключенных не дошли, о чем можно судить по пропускам в авторской нумерации писем (Флоренский), или об этом говорится в последующих письмах (Литвинов, Брянцев, Вангенгейм). Письма А.Ф.Вангенгейма приведены с сокращениями, сделанными его дочерью; несколько писем даны полностью.

Неловко читать чужие письма, но эти можно и необходимо. Авторы сами знали, что письма будут прочитаны не только адресатами. С их содержанием знакомились чужие, враждебные глаза – письма проходили цензуру. Те, кому они были адресованы, сберегли их, иногда с немалым риском для себя, и передали наследникам, которые хотят, чтобы мысли, чувства, жизнь их предков не были «стерты в лагерную пыль», а были услышаны нами.

Письма субъективны по определению и хранят неискаженным конкретный и сиюминутный диалог, но они и мифологичны, понимая миф как вечно сущую реальность. Эпистолярный жанр – это сократовская беседа, сохраняющая диалектику общения. Этим письма принципиально отличаются от мемуаров, которые по сути своей есть моделированные или снисходительные беседы мемуариста с самим собою в прошлом, или с заинтересованным собеседником в настоящем, или оправдание себя перед потомками в будущем. Вот почему эпистолярный жанр подчас более точен, чем проработанные временем мемуары, нередко претендующие на

объективную переоценку прошлого. В «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней» П.А.Флоренский словно предупреждает своих биографов о необходимости различать его теперешние оценки событий и людей и документы и записи прошлого времени: «Измерять ими истинность позднейших воспоминаний – это значит признавать полную мою тогдашнюю беспристрастность к себе самому и к другим и какую-то нечеловеческую мудрость, позволяющую оценивать смысл и значение событий самих по себе, помимо общих линий жизни. Современные записи по необходимости субъективнее, чем позднейший взгляд на те же события, уже обобщающий и имеющий основание выдвигать вперед или отодвигать назад то или другое частное обстоятельство. Многое, что за шумом жизни не было тогда услышано достаточно внимательно, по дальнейшему ходу событий выяснилось как самое существенное, тогда как много и очень много волновавшего прошло почти бесследно»¹. Когда-то мы с Д.С.Лихачевым мечтали издать письма факсимильно, с параллельным типографским текстом. Дань тому разговору – факсимиле страниц некоторых писем в этом издании.

В публикуемых письмах обсуждается широкий круг вопросов, касающихся разных областей науки и культуры. Узники пытались передать нечто большее, чем ложилось на бумагу, вкладывая особый смысл в формулировки и даже в написание слов, что теперь едва понятно. Написанное несет лишь отблеск их страданий в лагере в ожидании мученической гибели, в неизбежности которой они не сомневались. Но по их рассказам можно подумать, что они действительно лишь «в длительной командировке». Они лукавили, ибо, во-первых, не хотели мучить близких, а кроме того, просто приукрашали обстановку, ибо все послания подвергались внимательной цензуре. И лишь по косвенным наблюдениям догадываешься о тяжести обстановки. Так, можно предположить, что написанное неразборчивым почерком и изобилующее описанием посторонних вещей, например, погоды, сделано в особо трудные моменты. К сожалению, невозможно воспроизвести особенности почерка, который меняется от письма к письму, а нередко и внутри письма. Иногда, особенно в 1937 г., появляются рассказы о питании, что вообще характерно для лагерных разговоров. Вдумай-

¹ *Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачев), М.С.Трубачева, Т.В.Флоренская, П.В.Флоренский; предисловие и примечание игумена Андроника (Трубачева). М.: Московский рабочий, 1992. С. 208.*

тес в неслучайность этого. Поэтому важно фиксировать описки и ошибки в письмах. Так, например, П.А.Флоренский поздравляет жену с 24-летием со дня свадьбы вместо 25-летия (письмо от 12–15 августа 1935 г.) и путает год рождения первенца Василия (1912 г. вместо 1911 г., письмо от 21–23 марта 1937 г.).

Опасаясь, что не все письма дойдут, авторы часто писали одно и то же в нескольких письмах подряд. Описание одного и того же события разными авторами, что дает «стереоскопический» эффект, сохранено. Письма расположены в хронологическом порядке, в случае его нарушения сделан комментарий. В совокупности письма составляют хронику заключения научных работников на Соловках с осени 1934 г. до конца 1937 г.

Для полноты воссоздания атмосферы Соловецкого концлагеря приводятся фрагменты документов соответствующих организаций.

Уникальны приведенные в тексте документы из судебного дела № 212 727 (арх. № 513 621), составленные сотрудниками НКВД, особенно так называемые внутренние доносы. В это дело случайно были вплетены, и потому оказались доступны, фрагменты из оперативного дела П.А.Флоренского. В оперативном деле обычно сосредоточены доносы, отчеты о «наружке» – наружной слежке. Доступ к этим документам запрещен до сих пор. И, я думаю, правильно, ибо они ввергнут нас в тот ад, который пережили наши предки. Президент Республики Абхазии С.В.Багапш как-то рассказал мне, что, пользуясь своим правом, запросил документы о трех репрессированных братьях своего отца. «Я вернул их в архив и запретил выдавать кому бы то ни было не только оперативные, но и судебные дела. Они вызовут страшную рознь и сегодня...» «Если бы потомки могли знать, в каких условиях допрашиваемые подписывали свои протоколы...», – вторит ему Надежда Мандельштам.

В издании три больших раздела: первый – вступительная статья об истории Соловецких островов, монастыря, лагеря, тюрьмы; второй – письма (1934–1937), большая часть которых сопровождается комментариями; третий содержит косвенные свидетельства о гибели заключенных и рассказ о «возвращении имен», в котором говорится о событиях, произошедших после расстрела Н.Я.Брянцева, А.Ф.Вангенгейма, Р.Н.Литвинова и П.А.Флоренского.

Весь материал разделен на 4 тома, каждый из которых имеет справочный аппарат, включающий список сокращений, именной указатель и список персоналий, содержащий краткие сведения о людях, прошедших Соловки и упоминаемых в издании репрессированных. Для выявления сведений о включенных в персо-

налии и именной указатель лицах использовались сами публикуемые документы, литературные и архивные источники.

Издание включает письма, написанные в период с 13 октября 1934 г. (первого письма Флоренского из Кеми) до 19 сентября 1937 г. (последнее письмо Брянцева). Отдельные письма (или их фрагменты) Литвинова, Брянцева и Вангенгейма, написанные до 13 октября 1934 г., включены в комментарии.

Сведения из рассказов других людей содержат много неточностей, но П.А.Флоренский не имел возможности (да и ни к чему было) это проверить, он просто сообщал их детям, считая, что им должно быть интересно. Сведения же, почерпнутые им из книг или проверенные на опыте, точны.

Части поэмы «Оро», посылаемые в письмах, с целью экономии места написаны П.А.Флоренским в одну строку с разделением строк косой чертой. В данной публикации стихи приведены в общепринятой для чтения форме.

Также с целью экономии места П.А.Флоренский вместо абзаца ставил тире, не выделяя его красной строкой. В данной публикации такие тире заменены абзацами.

Места в письмах П.А.Флоренского, начинающиеся с новой даты, выделены абзацем.

Заключенные-мужья помнят голод 1932–1933 гг. Этим объясняются, постоянные просьбы, обращенные к родным, «есть побольше».

Все авторы писем упоминают «довоенное время». Речь, разумеется, идет о периоде до Первой мировой войны.

О родственниках П.А.Флоренского, в том числе об адресатах его писем, можно подробно прочитать в книге: *Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней.*

Основу настоящего издания составляют письма, посланные из Соловецкого лагеря особого назначения священником Павлом Флоренским. Впервые полный корпус его лагерных писем был издан в 1998 году¹. Настоящее издание отличается от предыдущего введением обширного комплекса сопутствующих материалов из архивов личных, архивов различных учреждений, общественных организаций и архивов государственных. Назову главные источники.

Материалы из архива семьи Флоренских получены из Музея священника Павла Флоренского от создателя Музея и его директора игумена Андроника (Трубачева) и других членов семьи.

¹ *Флоренский П.А., священник.* Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков.

Письма союзников П.А.Флоренского предоставили из семейных архивов и разрешили опубликовать: Игорь Николаевич и Наталия Владимировна Брянцевы, Николай Романович и Роман Николаевич Литвиновы, Элеонора Алексеевна Вангенгейм.

Судебное дело осужденного П.А.Флоренского получено из Московского государственного архива КГБ (ныне ФСБ) по личному указанию председателя КГБ В.А.Крючкова через сотрудника пресс-группы УКГБ по г. Москве полковника А.Олигова и сотрудника архива полковника В.А.Гончарова, позже – автора ряда публикаций о репрессированных деятелях науки и культуры.

Материалы, касающиеся изобретательско-творческой деятельности П.А.Флоренского, получены из филиала Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре.

Велика помощь и духовная поддержка насельников Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального монастыря и лично его игумена архимандрита Иосифа и насельников Соловецкого подворья в Москве во главе с архимандритом Мефодием.

Сбор материалов велся при содействии сотрудников Института природного и культурного наследия РАН и лично В.П.Столярова, Соловецкого государственного историко-архитектурного природного музея-заповедника (СГИАПМЗ) и его сотрудников Л.В.Лопаткиной, М.В.Лопаткина, А.А.Сошиной, В.В.Сошина, О.В.Бочкаревой, Н.Н.Черенковой, А.Е.Черенкова, Научно-информационного просветительского центра «Мемориал» (г. Москва), Научно-информационного центра «Мемориал» (г. Санкт-Петербург) и лично его руководителя И.А.Флиге, Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) и лично А.Я.Разумова, редактора-составителя многотомного «Ленинградского мартиролога». Многолетнюю поддержку оказывал директор московского завода «Диод» В.П.Тихонов.

Были проанализированы бережно сохраненные родными письма Николая Яковлевича Брянцева (96 шт.), Алексея Феодосьевича Вангенгейма (96 шт.), Романа Николаевича Литвинова (118 шт.), Григория Дмитриевича Марченко (84 шт.), священника Павла Александровича Флоренского (96 шт.), Александра Александровича Эрна (12 шт.), а также ряд отдельных писем разных лиц – всего около 500 писем, отправленных с июня 1929 г. по

сентябрь 1937 г. Обобщены публикации и архивные материалы, собранные Ю.А.Бродским, А.В.Мельник и др., а также материалы Музея А.Д.Сахарова.

Подготовку к печати текстов, комментирование и подбор иллюстраций для настоящего издания вместе со мною провели И.С.Жарова, Л.В.Милосердова, А.И.Олексенко, А.А.Санчес, В.П.Столяров, Т.А.Шутова.

Публикуемые фотографии Соловецких островов предоставили Ю.А.Бродский, Б.В.Ведьмин, монах Онуфрий (Поречный), В.И.Петрунина, Г.В.Смирнов, В.П.Столяров, И.А.Флиге и многие другие, чье авторство указано в подрисуночных подписях.

Хочу выразить благодарность руководству Международного Центра Рерихов и всем сотрудникам публикаторского отдела, сделавшим возможной публикацию этих писем.

Подчеркну особое, благоговейное отношение к этому изданию всех, к кому я обращался за помощью. Эта помощь становилась для многих служением памяти нашему трудному прошлому. Низкий поклон вам всем от потомков погибших в тяжелые годы.

...Авторы публикуемых писем незаурядны. Незаурядны, в первую очередь, тем, что они не просто отцы семейств, толковые инженеры, ученые, философы. Они не просто встроены в Мироздание, но и осознают себя его частью. Рассказывая о частных вопросах, они, как правило, переходят к широким обобщениям, глубоким аналогиям, с уровня частного на уровень общечеловеческий. Читая эти удивительные послания, от первой до последней строчки пронизанные любовью, очищаешься душой, и возникает ощущение, что они обращены не только к родным и близким – эти письма обращены в будущее, к нам...

П.В.Флоренский

Заклученный Флоренский Павел Александрович
Портрет работы заключенного Пакшина П.Н. 1935 г. Акварель, бумага

Флоренский Павел Александрович

Жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, и он избрал родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом.

С.Н.Булгаков

Имя Павла Флоренского, ученого-энциклопедиста и мыслителя XX столетия, в его родном отечестве замалчивалось почти полвека. В 1924 г. в энциклопедическом словаре «Гранат» была напечатана биографическая статья «П.А.Флоренский». Дальше – тишина... Любое упоминание его имени и трудов было надолго вычеркнуто из общественного оборота «министерством правды Оруэлла». В 1968 г. Флоренского «открыли» структуралисты, и по их просьбе Кирилл Павлович Флоренский написал биографию своего отца. Несомненно, П.А.Флоренский сознавал свою избранность, «поручение от Господа». В завещании своим детям Павел Александрович писал: «Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями...»¹. Именно так поступал он сам, бережно храня свои рукописи, черновики, письма. Он подробно расписал свое детство², рассказав о том, как формировались его

¹ *Священник Павел Флоренский. Детям моим.* С. 440.

² См. указ. изд.

вкусы, интересы, личность. Имея эти материалы, нетрудно восстановить его биографию, вернее, повторить рассказанное им самим¹. Важное значение для представления об основных этапах его жизни имеет обширное эпистолярное наследие П.А.Флоренского, а также материалы архивов и воспоминания современников.

Павел Александрович Флоренский родился 9 (21 н.ст.) января 1882 г. в местечке Евлах Елисаветпольской губернии Джеваншарского уезда (ныне Азербайджан). Его отец Александр Иванович Флоренский, инженер-путеец, под началом которого были построены большие участки Закавказской железной дороги и возведены мосты в Закавказье, был сыном военного врача Ивана Андреевича Флоренского, родом из Костромской губернии, которого по окончании медфака Московского университета направили на Кавказскую войну (1817–1864) главным лекарем лазарета в Грозном. Скончался он во время эпидемии холеры и был похоронен в осетинском селении Ардон. Мать Павла Флоренского Ольга (Саломия) Павловна Сапарова была дочерью богатого армянского купца из Тифлиса, потомка карабахских беков Мелик-Бегляровых. П.А.Флоренский соединил в себе древний Кавказ и костромскую крестьянскую Россию. Детство и отрочество его прошли в Батуме и Тифлисе. Кроме Павла в семье было еще шестеро детей. «Уровень семьи был повышеннокультурный, с разнообразными интересами, причем предметом интересов были знания технические (отец), естественнонаучные (дети), исторические (отец, мать и отчасти все)...»², – вспоминал Павел Александрович.

Павел Флоренский учился во 2-й тифлисской гимназии (1892–1900), где преподавали талантливые высокообразованные педагоги. Вместе с ним учились Александр Ельчанинов, Владимир Эрн, братья Владимир и Давид Бурлюки, Михаил Асатиани, Ираклий Церетели и др. Из педагогов необходимо

¹ За истекшие десятилетия по этим материалам написано множество биографий. Обобщающий труд вышел недавно. См.: *Игумен Андроник (Трубачев)*. «Обо мне не печальгесь...»: Жизнеописание священника Павла Флоренского. М.: Изд. Московской патриархии, 2007.

² *Флоренский П.А.* [Автобиография] // Наше наследие. 1988. № 1. С. 75.

упомануть духовного наставника гимназистов преподавателя истории Георгия Николаевича Гехтмана, который организовал историко-философский кружок, где занимались Павел Флоренский и его ближайшие друзья. В 17 лет Павел Флоренский получил откровение свыше, после чего пережил глубокий духовный кризис. Осознав ограниченность научного знания и поняв, что без веры в Бога познание Истины невозможно, он ставит перед собой задачу проложить пути к будущему цельному мировоззрению.

Окончив гимназию с золотой медалью, Павел Флоренский поступил на физико-математический факультет Императорского Московского университета на отделение чистой математики (1900–1904). Особое влияние на студента Флоренского оказал профессор Н.В.Бугаев, один из основателей Московского математического общества, который рассматривал математику в широком, философском контексте. Параллельно с занятиями математикой Павел Флоренский слушал лекции на историко-филологическом факультете, участвовал в заседаниях Историко-филологического общества, основанного князем С.Н.Трубецким.

На последнем курсе университета он знакомится с епископом Антонием (Флоренсовым), живущим на покое в Донском монастыре, и просит у него благословения на принятие монашества. Но опытный старец советует юноше сначала поступить в Московскую духовную академию (МДА) для продолжения духовного образования и испытания себя. В 1904 г., окончив университетский курс с дипломом I степени и отказавшись от предложенной ему научной университетской карьеры, Павел Флоренский поступает в МДА, избрав путь «православия и именно церковности». Так он на всю жизнь связал себя с Сергиевым Посадом и Троице-Сергиевой лаврой. В Академии он занимался дисциплинами, необходимыми в разработке общего мировоззрения, – философскими, филологическими, археологическими, историей религии, продолжая при этом начатые в университете работы по математике.

События первой русской революции не могли не отразиться на жизни Сергиева Посада, сердца русского православия. Будучи всецело поглощенным занятиями и научными

изысканиями, Павел Флоренский, тем не менее, не отделяет себя от жизни общества, страны. 12 марта 1906 г., в день, когда стало известно о казни лейтенанта П.П.Шмидта, Павел Флоренский произнес в домовом храме Академии проповедь «Вопль крови», направленную против смертной казни (опередив выступление Л.Н.Толстого «Не могу молчать», 1908) и братоубийства. В тот же день было составлено «Открытое обращение студентов МДА к архипастырям Русской Церкви». В свете бурных событий, происходящих по всей стране, сергиевопосадский полицмейстер расценил подобные действия как политические акции. 23 марта Павел Флоренский был арестован и заключен в Бутырскую, затем переведен в губернскую Таганскую тюрьму, откуда по ходатайству ректора Академии был освобожден 30 марта 1906 г.

После успешного окончания Академии в 1908 г. Павел Флоренский получил степень кандидата богословия, был утвержден в должности доцента по кафедре истории философии МДА и стал преподавателем истории философии и философии религии. За время преподавания (до 1919 г.) П.А.Флоренский разработал и прочитал ряд курсов, в том числе по античной истории и философии, философии культа, кантовской философии. Энциклопедически образованный, оригинальный мыслитель Флоренский стал автором многих выдающихся работ по богословию, философии, филологии, искусствоведению, математике, эстетике.

Важной вехой в жизни П.А.Флоренского стала женитьба. Летом 1910 г. он гостил у своего ученика и друга В.М.Гиацинтова в селе Кутловы Борки Рязанской губернии, где сделал предложение его сестре Анне. Вскоре состоялось еще одно важнейшее событие: 24 апреля 1911 г. Павел Флоренский был рукоположен в сан священника, позже служил в сергиевопосадской церкви Убежища сестер милосердия Красногоского Креста. Семья и священство внесли глубокие изменения в жизнь и духовный мир Флоренского. Дети (их было пятеро) явились для него живительным источником, вдохновлявшим к творчеству и свершениям. Служба в алтаре предопределила всю его дальнейшую судьбу.

В 1912 г. Павел Флоренский возглавил одно из лучших духовных и философских изданий России того времени –

журнал «Богословский вестник», издаваемый МДА. То было время расцвета русской религиозной философии Серебряного века. Флоренский активно общается и сотрудничает с выдающимися представителями этой эпохи, среди которых С.Н.Булгаков, Е.Н.Трубецкой, М.А.Новоселов, В.В.Розанов, Ф.Д.Самарин, Л.А.Тихомиров. Он принимает активное участие в работе московских религиозно-философских объединений – Обществе памяти Вл. Соловьева и новоселовском «Кружке ищущих христианского просвещения».

В 1912 г. Павел Флоренский защитил магистерскую диссертацию «О духовной истине» и стал профессором МДА. Диссертация в переработанном виде была издана отдельной книгой под названием «Столп и утверждение Истины» (1914). 19 мая 1914 г. П.А.Флоренский был утвержден в степени магистра богословия и получил звание экстраординарного профессора Московской духовной академии.

Вскоре грянула Первая мировая война, и в 1915 г. П.А.Флоренский отправился на фронт в качестве священника военно-санитарного поезда. Война ускорила падение монархии и начало революции, что П.А.Флоренский, предчувствовавший неизбежность кризиса, расценивал как гибель России.

Октябрьская революция 1917 г. внесла кардинальные изменения в жизнь П.А.Флоренского, его близких и друзей. Он был вынужден уйти из МДА, так как не разделял либеральную позицию части «покрасневшей» профессуры. Атеистические церковноборческие власти пошли в наступление на Церковь. Под угрозой оказались монастыри, храмы, произведения церковного искусства. Павел Флоренский, сознавая неизбежные последствия подобного натиска, в 1918 г. принял участие в создании Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, стал ее ученым секретарем, хранителем Ризницы, занимался разработкой методики эстетического анализа и описания предметов древнего искусства.

Накануне Пасхи 1919 г. по Сергиеву Посаду пошли слухи о том, что в Москве принято решение вскрыть мощи Преподобного Сергия Радонежского прилюдно, дабы «разоблачить

чудеса и положить конец церковному мракобесию». Чтобы не допустить осквернения мощей и возможного их уничтожения, в одну из ночей Великого поста по благословению наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Кронида священник Павел Флоренский и граф Юрий Александрович Олсуфьев тайно прошли в Троицкий собор Лавры, вскрыли раку с мощами и благоговейно изъяли Главу Преподобного, положив на ее место голову погребенного на территории Лавры князя Трубецкого¹. Участники действия связали себя обетом молчания, который соблюдали стойко, несмотря на все превратности жизни.

Вероятно, в этом и состояло главное церковное служение о. Павла, возложенное на него в главном месте России и в главный момент его земного пути и дававшее ему силы переносить происходившее. Внешне он отошел от церковных дел в науку и технику, смирился с осуждавшими его за этот отход, а позже терпеливо переносил унижения и пытки от тех, кто обвинял его в участии в контрреволюционной организации. Все мучения он переносил безропотно, помня об обете молчания. В свете этого становятся более понятными многие его поступки в последние годы жизни. Священника Павла Флоренского уже не было в живых, когда в 1946 г. Троице-Сергиева лавра была возвращена церкви, и, по благословению Святейшего Патриарха Алексия I, неоскверненная Святыня была втайне возложена на свое место.

Об этом подвиге впервые было рассказано в 1997 г.² Святейший Патриарх Алексей II высоко оценил роль Павла Флоренского в сохранении святынь Русской церкви и отечественной истории в годы воинствующего атеизма и богоборчества: «Когда после революции начались гонения на веру и Церковь

¹ Погребение князей Трубецких в Троице-Сергиевой лавре находится в подклети Троицкого собора, поэтому изъять череп из каменной гробницы было вполне возможно. Останки кого из них послужили Преподобному Сергию, установить не удалось. В «Списке погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 г.» (М., 1880) на стр. 7–8 приведены сведения о четырех захоронениях членов рода Трубецких. Это князья Д.Т.Трубецкой, Т.Р.Трубецкой, М.Т.Трубецкой и Г.П.Трубецкой.

² *Шутова Т.* Обет молчания: Святая тайна Лавры: [О судьбе П.А.Флоренского] // Российская газета. 1997. 5 дек. С. 8–9.

Божию, отец Павел мужественно встал на защиту святынь Церкви и духовного достояния России»¹.

Закрытая в 1919 г. Духовная академия продолжала свое неофициальное существование в Москве сначала в Даниловском, затем в Высоко-Петровском монастыре и на частных квартирах. Отец Павел был в числе немногих профессоров, кто поддерживал существование Академии в 1920-е гг., а прочитанные там лекции легли в основу его трудов «Иконостас», «Имена» и др.

После закрытия храма Убежища сестер милосердия в Сергиевом Посаде о. Павел оказался лишенным возможности нести церковное служение. Но он не мог не служить Отчизне, ее народу и поступил на государственную службу. Сначала он преподает физику и математику в Сергиевском Институте народного образования, а в 1921 г. его пригласили на работу в ВСНХ РСФСР. Он работает при заводе «Карболит», затем в Главэлектро, принимает участие в разработке плана ГОЭЛРО. В том же 1921 г. П.А.Флоренский был утвержден профессором Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), где в течение трех лет читал курс анализа пространственности в художественных произведениях. В 1918–1922 гг. он продолжает научную деятельность, создавая труды по философии искусства, вошедшие в книгу «У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики)», которые были опубликованы лишь в 1980–1990-е гг. С 1924 г. Флоренский заведовал лабораторией испытания материалов во Всесоюзном экспериментальном электротехническом институте (ВЭИ), с 1927 г. трудился в редакции «Технической энциклопедии» и написал для нее более сотни статей.

Однако такая плодотворная деятельность не предотвратила гонений. 21 мая 1928 г. П.А.Флоренский был арестован по так называемому «Сергиево-Посадскому делу» (все-го по делу проходило 82 человека) и отправлен в Бутырскую тюрьму. Одной из причин ареста было то, что Павел Александрович не сложил с себя сана священника и на госслужбе ходил в рясе. Обвинительное заключение было

¹ *Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий*. К 125-летию со дня рождения и 70-летию со дня мученической кончины священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 2. С. 60–61.

«состряпано» одно на всех (дело № 60110), и осудили всех по ст. 58-10 УК. Особое совещание при Коллегии ОГПУ от 8 июня 1928 г. постановило: «Флоренского Павла Александровича из-под ареста освободить, лишив права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, означ. губ. и округах с прикреплением к определенному местожительству, сроком на три года, считая срок с 22/5-28 года». На чекистском новоязе это называлось «высылка минус шесть». 13 июня 1928 г. Флоренский дал подписку выехать в Нижний Новгород, куда и отправился на следующий день, а 18 июля того же года он был зарегистрирован в Центре регистрации ОГПУ Нижнего Новгорода¹. Однако уже в конце сентября 1928 г., по ходатайству Е.П.Пешковой, Павел Александрович был возвращен из ссылки и восстановлен на прежней работе.

В 1930 г. П.А.Флоренский был назначен заместителем директора Всесоюзного электротехнического института (ВЭИ) по научной части, а в 1932 г. включен в Комиссию по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов при Совете Труда и Обороне СССР.

Но 25 февраля 1933 г. он был вновь арестован, обвинен в участии в «контрреволюционной организации, состоявшей из монархистствующих и кадетских элементов и пытавшихся создать республиканское правительство, опирающееся на Православную Церковь». Это было сфабрикованное «Дело № 2886 о к.р. националистической фашистской организации, именовавшей себя “Партия Возрождения России”», в которую следователи включили людей, даже не знакомых друг с другом. Фамилия П.А.Флоренского в их списке стоит первой.

В тюрьме «подследственный Флоренский П.А.» написал труд «Предполагаемое государственное устройство в будущем»². Подписанного им до этого на допросах вполне хватало для «высшей меры наказания», и, быть может, он внутренне уже перешел грань, отделяющую наш мир от инобытия, а потому был свободен, когда писал произ-

¹ См.: П.А.Флоренский: Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 52–53.

² *Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. Кн. 3. С. 96–115.*

ведение, аналогичное «Городу Солнца» Кампанеллы, созданному также в застенке.

26 июля 1933 г. Коллегией ОГПУ Московской области по ст. 58-10, 58-11 УК РФ П.А.Флоренский был приговорен к 10 годам ИТЛ. В обвинительном заключении от 30 июня 1933 г. (дело № 2886) говорилось: «Флоренский Павел Александрович, профессор богословия, служитель культа (поп), не снявший сана, выходец из знатной дворянской семьи, по политубуждениям крайне правый монархист. Автор печатных трудов по богословию, в которых откровенно выражены его монархические убеждения. (“Защита божества”, “Столп утверждения истины” и т.д.). В 1928 г. арестовывался ОГПУ и осужден как активный участник церковно-монархической организации на 3 г. С 1928 г. научный работник ВЭИ. Идеолог и руководитель центра к.-р. организации...». В приведенной «объективке» правильно многое, кроме существования «к.-р. организации» и принадлежности к «знатному дворянству». Действительной же причиной ареста и репрессий священника Павла Флоренского был его отказ снять с себя священный сан. Трагическая развязка была предreshена Высшей Волей, как называл он в подцензурных письмах Бога: «Я принимал <...> удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю»¹.

13 августа 1933 г. Павел Александрович Флоренский был отправлен по этапу Москва–Свердловск–Иркутск–Чита–Ксениевская–Свободный, который завершился 2 декабря 1933 г. Сначала его направили на работу в научно-исследовательский отдел управления Бамлага. Затем, 16 февраля 1934 г., перевели в г. Рухлово на Сквородинскую опытную мерзлотную научно-исследовательскую станцию. На станции в результате проведенных им исследований вечной мерзлоты были получены ценные научные и практические результаты.

В июле–августе 1934 г., благодаря содействию Е.П.Пешковой, в Сквородино смогли приехать его жена и трое младших детей. Анна Михайловна сообщила мужу о своем намерении через Красный Крест ходатайствовать о его

¹ Флоренский П.А. Письмо семье от 18–23 марта 1934 г. / Флоренский П.А., священник. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. С. 92.

освобождении и выезде на работу в Чехословакию. Для начала официальных переговоров необходим был положительный ответ самого Павла Александровича, но он решительно отказался от этого предложения, просил прекратить все хлопоты и, сославшись на слова Апостола Павла, сказал, что следует быть довольным тем, что имеешь.

Не успели родные уехать, как 1 сентября 1934 г. Флоренский был отправлен этапом в Соловецкий лагерь, куда прибыл почти через полтора месяца, 13 октября 1934 г. В лагере, где «бывших» перевоспитывали подневольным трудом, П.А.Флоренскому удалось найти применение своим знаниям и творческим способностям, от чего он получал не только утешение, но даже радость. На местном заводе он вместе со своими соизучниками разработал технологию добычи из водорослей йода и агар-агара. В соавторстве с Н.Я.Брянцевым и Р.Н.Литвиновым им был сделан ряд научных открытий, касающихся комплексного применения водорослей, получены патенты на изобретения.

В годы заключения в Соловецком концлагере П.А.Флоренский написал жене и детям более сотни писем, в которых стремился передать свои знания и опыт потомкам, продолжить их воспитание в соответствии с теми принципами и убеждениями, которые свято хранил в узилище.

Но приближалась роковая развязка. 25 ноября 1937 г. по постановлению особой тройки УНКВД по Ленинградской области Флоренский Павел Александрович был приговорен к высшей мере наказания и 8 декабря 1937 г. расстрелян.

Точное место захоронения не установлено.

П.А.Флоренский был реабилитирован посмертно «за неимением состава преступления»:

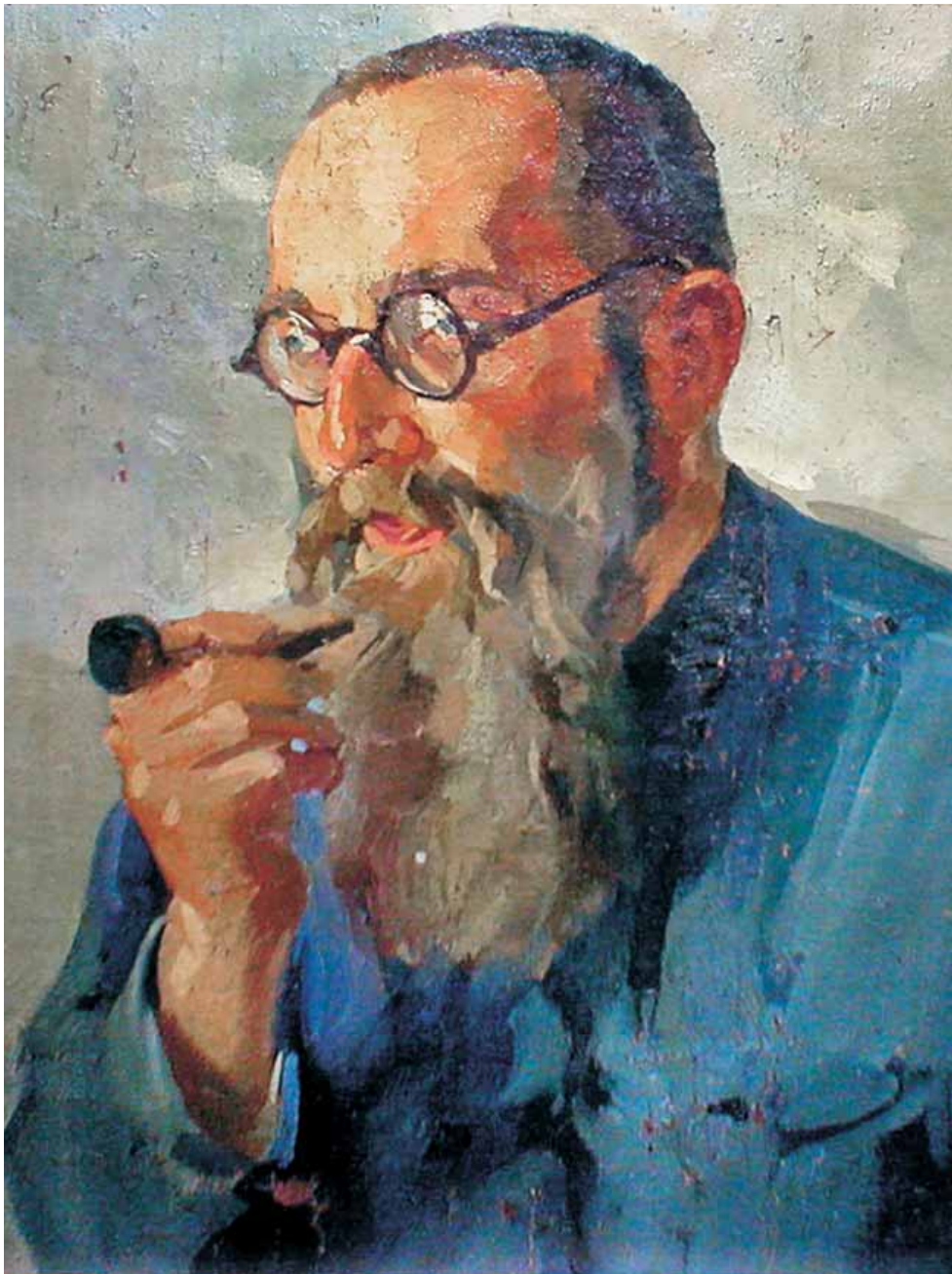
– 5 мая 1958 г. Президиум Московского городского суда отменил приговор 1933 г.;

– 5 мая 1959 г. Президиум Архангельского областного суда отменил приговор 1937 г.;

– 19 августа 1991 г. на основании ст. 1 Указа Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» было отменено осуждение 1928 г.

Несмотря на опасности и превратности судьбы, семья Павла Флоренского сохранила его рукописи, а когда стало возможно, то его дети и внуки подготовили к печати и опубликовали многие его труды. Кроме рукописей, в семейном архиве бережно сохраняются и письма Флоренского, написанные им на протяжении всей жизни.

П.В.Флоренский

Заклученный Литвинов Роман Николаевич
Портрет работы заключенного Решетникова Ю.А. 1935 г. Холст, масло

ЛИТВИНОВ

Роман Николаевич

Роман Николаевич Литвинов родился 5 сентября 1890 г. в Варшаве. Его отец, Николай Афанасьевич Литвинов, дворянин, до революции чиновник канцелярии генерал-губернатора Калишской губернии, после – комиссар по крестьянским делам той же губернии. Мать, Мария Евгеньевна, занималась воспитанием детей, которых в семье было трое.

Следуя за служебными переводами отца, семья в разное время жила в Варшаве, Стопнице (уездном центре Келецкой губернии), Калише. В гимназиях этих городов в 1900–1907 гг. и учился Роман Литвинов. После окончания гимназии, избрав своим поприщем химию, он поступил в Варшавский политехнический институт.

4-го августа 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, Роман Николаевич поступил в гренадерский саперный батальон вольноопределяющимся (добровольцем), проделал два похода в Восточную Пруссию. В конце ноября из-под Лётцена (ныне польский город Гжицко) по болезни был эвакуирован в Двинск, оттуда в Петроград. После болезни, в 1915 г., служил в Электротехническом Западном батальоне, летом ездил инструктором по подрывному делу в Ригу и, сдав перед Рождеством экзамены на звание прапорщика (произведен в прапорщики в начале 1916 г.), вновь уехал на фронт. Через год он писал матери: «Милая мама. <...> Перевели меня в Инженерную роту при 1-ой кавказской дивизии <...> Пока я еще сижу в прежнем месте, но последние дни. Придется расстаться с квартирой, к которой я уже привык, переехать или в землянку, или в халупу и заняться укреплениями. <...> Я отчасти рад, что попал опять в саперы. Полодырничал и хватит. Пора

опять за работу. В конце концов, нужно же что-нибудь сделать для дела. Если в результате моих трудов будет сохранен десяток, другой солдатских жизней, парочкой или сотней немцев больше подохнет, я уже окуплюсь государству: и гимназия, и институт, и офицерское жалование» (1 февраля 1917 г.).

За военные заслуги Литвинов был награжден двумя Георгиевскими крестами и двумя медалями.

Варшавский институт еще в 1915 г. был эвакуирован вначале в Москву, а в 1916 г. в Нижний Новгород, где в 1917 г. на его базе был учрежден Нижегородский политехнический институт.

Из-за войны Роман Николаевич не успел завершить высшее образование. Поэтому, уехав в ноябре 1917 г. вместе с частью с фронта, он направился в Нижний Новгород сдавать экзамены в Политехникуме. Завершив учебу в 1918 г. и получив диплом (16 апреля 1918 г.), работал в различных высших учебных заведениях Нижнего Новгорода (в 1932–1990 г. Горький).

Роман Николаевич мечтал создать дружный, уютный дом, где любят и ждут, но первый брак оказался неудачным и в 1927 г. распался. Мечта его осуществилась в марте 1930 г., когда он женился на Варваре Сергеевне Вальяжниковой, а 16 декабря того же года у них родился сын Николай. Варвара Сергеевна стала для Литвинова любящей женой, добрым другом, опорой и поддержкой.

1930 г. для Романа Николаевича вообще оказался очень счастливым: 1 октября его назначили заведующим кафедрой химической теплотехники Нижегородского химико-технологического института. Его деятельность была типичной для преподавателя высшей школы, который не перестает заниматься наукой, подает рацпредложения, делает изобретения¹, внедряет их в производство, получает благодарности и премии. Жизнь не делится на обучение и науку, они идут рука об руку и занимают все время.

К 1934 г. Р.Н.Литвинов – крупный химик-технолог, профессор. Но кафедра института станет последним местом его работы, так как 26 марта 1934 г. он был арестован по ложному доносу, написанному за полтора месяца до этого

¹ Авторское свидетельство № 32 775 (опубликовано 31 октября 1933 г.) «Определение плотности газов» выдано на имя Р.Н.Литвинова и М.М.Файнберга.

М.П.Званцевым (позднее Званцев утверждал, что его вызвали и предложили определиться – «вместо или вместе»). Кроме того, в следовательском деле № 808 есть протоколы, подписанные врачом Миловановым и М.В.Виттихом (они также позже утверждали, что не говорили такого и подписывали не глядя, т.к. доверяли следователям. Остается лишь догадываться, чем и как давили на этих людей... Известно, что в 1937 г. из трех следователей, ведших это дело, двоих, в т.ч. упоминаемого Р.Н.Литвиновым Н.Н.Граца, репрессировали за жестокость и самоуправство).

Из обвинительного заключения по следовательскому делу № 808¹:

«[Р.Н.Литвинов], являясь руководителем к.-р. террористической группы, поставившей своей задачей борьбу против Соввласти путем организации террористических актов, [и] участники группы вырабатывали методы и технику совершения террористических актов над руководством ВКП(б) и товарища Сталина, причем выдвинули целый ряд приемов совершения терактов с применением различных видов оружия и средств (револьвер, взрывы, гранаты, ракеты, ядовитый газ)».

«Федоровцев вместе с Нестеровым разрабатывали вопрос об использовании ультракоротких волн в целях совершения террористических актов, а вместе с Васильевым обсуждали вопрос о необходимости массовых терактов над руководителями партии и правительства <...> Обсуждали порядок, способы и методы террора. Эти способы и методы сводились в основном к трем (3) видам: оружие, ультракороткие волны (УКВ) и газ из синильной кислоты».

Кроме того, при обыске у Литвинова были изъяты 2 пистолета (кольт и браунинг). В итоге его обвинили в разработке особых лучей для убийства Сталина, и решением Коллегии ОГПУ от 1 июня 1934 г. он был осужден по ст. 58-8-10-11 УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Соловецком лагере особого назначения.

Для семьи Литвиновых началась другая жизнь. Варвара Сергеевна осталась одна с 3-летним сыном. Первое время ей оказывают помощь коллеги Романа Николаевича,

¹ Из архивного дела № 6853 по обвинению Литвинова Р.Н., Федоровцева С.А., Нестерова Б.О. и др. (Центральный архив Нижегородской области).

которые, как и она, надеются на то, что арест и заключение – недоразумение, оно развеется, и профессор вернется к ученикам и изобретениям. Увы, в начале августа 1934 г. причудливым этапным путем Горький–Бологое–Полоцк–Витебск–Кемь–Морсплав Р.Н.Литвинов попадает на берег Белого моря. Тесные бараки, бесчинства уголовников, которые считают себя выше «врагов народа», безликие конвойные, трюм парохода, морская качка и твердая земля под ногами, абрисы крепости-монастыря, крики чаек. Соловки...

В Соловецком лагере особого назначения Литвинова поначалу отправили на работу сторожем на парниках. Работа нетрудная, пишет он жене, но кормят за нее мало. Он не теряет надежды получить работу, более соответствующую его специальности, и добиться пересмотра дела.

Соловки не только разъединяли людей, но и удивительным образом способствовали их встрече. «Встретил я одного товарища по Варш[авскому] институту и, может быть, устроюсь работать с ним, так как он работает по специальности», – пишет Роман Николаевич жене 15 августа 1934 г. Этот товарищ – Николай Яковлевич Брянцев. А ровно через месяц, 15 сентября, Литвинов сообщает о том, что его перевели на новое место работы – в химическую лабораторию Йодпрома. И новая встреча: 15 ноября 1934 г. сюда был переведен Павел Александрович Флоренский, с которым Литвинов познакомился в 1928 г. в Нижнем Новгороде, куда Флоренский был сослан (известно, что в первые дни пребывания в городе Флоренскому негде было остановиться, и местные ученые, узнав о его приезде, пытались найти ему жилье, был среди них и Литвинов).

Так образовалась тройца единомышленников – Флоренский, Литвинов, Брянцев, – близких по духу людей, что немало облегчило их судьбу. Всем троим эта встреча на северном острове – казенное жилье, подневольная жизнь – дала и «творческое окно». Окном этим стали исследования по использованию морских водорослей, где Литвинов и Брянцев занимались преимущественно организационными вопросами, а Флоренский – теоретической частью. К задаче получения йода добавилась проблема получения из водорослей агар-агара. Работая в Йодпроме, Литвинов, Брянцев и Флоренский

сделали около десяти заявок на научные открытия и изобретения, из которых три запатентованы.

В одном из писем жене Роман Николаевич пишет: «Считаю меня в длительной командировке...», потому что еще жива надежда на то, что все разъяснится, что положительные характеристики с места работы сыграют свою роль в его освобождении. В августе 1936 г. Варвара Сергеевна Литвинова получает разрешение на свидание с мужем. Их краткая встреча была и радостной, и горькой. Радовали известия о том, что подрастает сын, который знает об отце, ждет его возвращения. Огорчали предчувствия, которые оба гнали от себя, что эта встреча последняя...

Постановлением особой тройки УНКВД ЛО от 10 ноября 1937 г. Роман Николаевич Литвинов был приговорен к высшей мере наказания, а 8 декабря 1937 года расстрелян.

20 апреля 1963 г. Президиумом Горьковского областного суда Постановлением Коллегии ОГПУ от 1 июня 1934 г. в отношении Р.Н.Литвинова было изменено: преступление переквалифицировано со ст. 58-8-10-11 на ст. 182-1 УК РСФСР (1926 г.) и мера наказания определена «пять лет лишения свободы».

Письма этого большого, доброго, веселого и умного человека всю жизнь, как главную ценность, берегли его жена и сын и завещали их мне. Сейчас они бережно хранятся в нашей семье в Нижнем Новгороде.

Р.Н.Литвинов

Заклученный Брянец Николай Яковлевич
Портрет работы заключенного Пакшина П.Н. (?). Бумага, цветные карандаши

Брянцев Николай Яковлевич

Николай Яковлевич Брянцев родился 5 мая 1889 г. в Варшаве, в семье государственного служащего. Родители, Брянцевы Яков Иванович и Марфа Петровна, происходили из мещан г. Смоленска.

Из-за ранней смерти главы семьи среднее образование получил только один из трех детей Брянцевых – сын Николай. В 1901 г. он поступил на химическое отделение Лодзинского мануфактурно-промышленного училища и в 1908 г. окончил полный курс обучения. Получил звание техника-химика с предоставлением права поступать в высшие учебные заведения России. Продолжил учебу в Варшавском политехническом институте Императора Николая II, по окончании которого получил диплом горного инженера.

В 1915–1917 гг. работал при штабе 2-й действующей армии, руководил мастерскими по ремонту военной техники.

После революции 1917 г. отказался покинуть родину и эмигрировать во Францию, несмотря на предложение родственников жены, занимавших достаточно высокое положение при дворе. Он был уверен, что огромные сырьевые и энергетические ресурсы страны, развитие промышленности обеспечат невиданный подъем экономики и культуры и выведут Россию в число наиболее передовых стран мира, и чувствовал призвание активно участвовать в этом преобразовании России.

В 1918 г. Н.Я.Брянцев возглавлял Волжский отдел Госхимтреста, в 1919 г. работал в составе Чрезхимснаба Туркестанского фронта. За разработку оригинального электрохимического способа быстрой засолки рыбы и увеличение

поставок вяленой тарани фронту получил благодарность и ценный подарок от М.В.Фрунзе.

В 1920–1923 гг. Брянцев был председателем Юго-Восточного горного комитета, работал главным инженером Управления горной промышленности Украины.

С 1923 г. работал в Москве. В начале 1924 г., как один из учредителей акционерного общества «Мосдомтоп»¹, по доносу одного из компаньонов Брянцев был обвинен в злоупотреблениях (хозяйственные просчеты), арестован ОГПУ и после почти годичного пребывания в Бутырской тюрьме выслан в Нарымский край. Оттуда, с разрешения ПП ОГПУ, командирован для работы в Сибирской краевой плановой комиссии² в г. Новониколаевск (переим. в Новосибирск в 1926 г.).

В 1929 г. Брянцева обвинили в шпионаже в пользу Польши, последовал новый арест. Хотя доказательств найдено не было, Брянцев получил «минус сроком на пять лет» (чекистский новояз. – *Сост.*), т.е. фактически оказался на прежнем положении ссыльного. Только летом 1930 г. с него были сняты ограничения ссыльного, он добился восстановления в избирательных правах.

До начала 1930-х работал в Крайплане (сотрудник, затем консультант секции промышленности и труда), неоднократно выступал с докладами в Госплане Союза, ВСНХ и АН СССР. В эти годы он провел свои научные, технико-экономические исследования и проектные работы, посвященные проблемам развития топливно-сырьевого комплекса СССР, индустриализации и химизации Сибири.

Н.Я.Брянцев – активный и один из ведущих членов Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), имел членский билет за № 3, автор более 30 научных работ, настойчиво пропагандировал идею химизации страны. Еще в 1925 г. в брошюре Сибкрайсовнархоза «Перспективные

¹ Акционерное топливно-строительное общество «Мосдомтоп» (1923–1935) ведало снабжением домовладений Москвы и ее окрестностей топливом, отопительными приборами и материалами, устройством и ремонтом отопления.

² Деятельность Крайплана Сибири в 1920–1930 гг. подробно описана в романе С.Залыгина «После бури», опубликованном в 1986 г. Внимание писателя привлекла крупномасштабность и высокий интеллектуальный уровень проектов развития Сибири, разрабатываемых в этом скромном периферийном органе крайисполкома Сибирского края и трагические судьбы его сотрудников – специалистов, «получивших высшее образование в царский период».

планы развития сибирской промышленности» Николай Яковлевич поддержал идею создания в Сибири крупного промышленного центра на основе «неисчерпаемых запасов угля разнообразных сортов, в том числе пригодных для металлургии» и «значительных запасов рудных месторождений металла». Необходимость такого центра была обусловлена неспособностью одного Донбасса обеспечить растущие потребности промышленности и сельского хозяйства СССР в топливе и металле. Позже, в 1929 г., эта идея конкретизируется: на базе железорудных месторождений Урала и коксующихся углей Кузбасса признается целесообразным создать альтернативный Донбассу центр черной металлургии¹.

Технико-экономическое обоснование целесообразности ускоренной разработки каменного угля Кузбасса для обеспечения потребностей в коксе металлургических предприятий Урала, несмотря на критику со стороны сторонников капиталовложений в развитие Донбасса, получает признание директивных органов Союза. В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. отмечается, что «необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»². В 1931 г. принимается решение о строительстве Магнитогорского металлургического завода, который к 1937 г. должен покрывать не менее 50 % потребности СССР в чугуне.

Н.Я.Брянцев и его единомышленники в ОИС считали, что решение Урало-Кузнецкой проблемы имеет стратегическое значение. Как стало ясно позже, они были совершенно правы, так как во время Великой Отечественной войны, после оккупации немцами Донбасса, страна к 1942 г. лишилась южного топливно-металлургического центра, и металл и уголь давали только Урал и Сибирь.

В рамках дальнейшего развития идеи строительства Урало-Кузнецкого комбината Н.Я.Брянцев публикует ряд исследований по созданию Кемеровского промкомбината как крупнейшей

¹ Проф. Усов М.А. и горн. инж. Брянцев Н.Я. Урало-кузнецкая проблема. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929

² Урало-Кузнецкий комбинат. М.: Госссоюзэкономиздат, 1931.

в СССР базы химической промышленности. Примечательно, что еще в 1931 г. он поставил задачу превращения битуминозных и сапропелевых углей Кузбасса, Минусинского бассейна и Черембасса в синтетическое жидкое топливо. Он прогнозирует возникновение «крупнейшей в Союзе новой индустрии» глубокой переработки угля. Идеи Н.Я.Брянцева находят поддержку партийных и хозяйственных органов СССР, Академии наук Союза. В 1932–1933 гг. в Новосибирске создается трест «Углеперегонка» ВСНХ СССР, а в 1933 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт газа и искусственного жидкого топлива. 19 июня 1943 г. СНК СССР издает Постановление № 670 «Об организации Главного управления искусственного жидкого топлива при Совнаркоме СССР», которому поручалось строительство соответствующих промышленных предприятий. Уже в 1944 г. в пос. Черемхово Иркутской области была запущена первая в СССР промышленная установка по производству жидких углеводородов из угля, на базе которой в 1950-е гг. было развернуто строительство комбината № 16 (ныне Ангарский нефтехимический комбинат).

В тот же период Николай Яковлевич публикует расчеты, обосновывающие важность развития энергоемких производств цветных металлов, в первую очередь алюминия и магния¹. Он поднимает вопрос о создании коксохимической промышленности на базе каменноугольных месторождений Кузнецкого, Черемховского, Минусинского и Тунгусского бассейнов, что в будущем открывало возможность развития производства дешевого водорода для синтеза аммиака и, на его основе, азотных удобрений, для гидрогенизации растительных жиров, выпуска минеральных масел, бензола и других ценных продуктов.

Крупными целями химизации Западной Сибири во второй пятилетке, по прогнозам и расчетам Брянцева, должны стать энергоиндустриальные комбинаты в Кемерово (азотная промышленность), Барнауле (серная кислота, сода), Хакассии и Минусинске (медь). Поскольку было важно организовать утилизацию отходов переработки древесины, Брянцев предло-

¹ *Брянцев Н.Я.* Барнаул – один из будущих крупнейших энергохимических центров Урало-кузнецкого комбината // Сб.: Химия и социалистическое хозяйство. М.: Госнаукотехиздат, 1931.

жил использовать опилки, стружку в композициях с пластмассами на основе фенола и формальдегида для выпуска новых строительных и подделочных материалов, наладить выпуск пластмасс из асфальтопексов с использованием каолинов и баритов в качестве наполнителей.

Научные исследования по проблеме химизации Сибири получают признание – постановлением Госплана СССР при СНК СССР от 25 апреля 1933 г. инженер Брянцев был включен в состав пленума Комитета по химизации народного хозяйства. Членами этого штаба развития химической индустрии являлись известные ученые-естественники (А.Е.Арбузов, А.Е.Чичибабин, А.Ф.Иоффе, Н.Н.Семенов, А.Н.Фрумкин, Н.Н.Ворожцов и др.), экономисты и политические деятели (Н.И.Бухарин, Е.А.Преображенский, Х.Г.Раковский, Я.Э.Рудзутак, В.И.Межлаук и др.). Однако Николай Яковлевич не смог принять участие в этой работе, т.к. к тому времени он уже более месяца находился под следствием (так проявилась инерционность партийно-государственного аппарата) – он был арестован 17 марта 1933 г.

Приведем письмо Николая Яковлевича родным от 5 сентября 1934 г., в котором он описывает дальнейшие события:

«Шлю привет с острова, на котором уже прожил целый год и с 1/IX пошел второй. Вероятно, Вам известно, что меня обвиняли в участии в повстанческой организации белых офицеров в Западной Сибири, возглавляемой Болдыревым и имевшей целью свержение С[оветской] Власти и восстановление Демократической Республики. Причем, я якобы принадлежал к Центру и руководить должен был промышленностью. Не ожидал я ни ареста, ни тем более такого обвинения и абсолютно не мечтал даже попасть в такие записки. Несмотря даже на большую честь, которую мне в ГПУ заявили, что я должен был являться членом будущего Правительства Сибирского, она при всей ее курьезности, тоже не вскружила мне голову.

За весь период весьма настойчивых допросов, конечно, я на все смотрел большими глазами и удивлялся нелепости положения. В особенности меня поразили бредни, которые были написаны в показаниях Краснова, Шаврова и Лаксберга. Правда, последний, по моим сведениям, впоследствии от своих показаний отказался. Поскольку я все же, при всех

экспериментах, оставался при “полной памяти, здравом уме и чистом сознании”, мог лишь утверждать одно, что я ничего не знал и не знаю не только о своем участии, но даже о существовании подобной затеи, а тем более организации. Всякие же показания рассматриваю как бредни и гнусные оговоры. За весь период следствия я написал лишь в конце пять строчек: “Виновным в участии в повстанческой организации себя не признаю, так как к ней не только не принадлежал, но о существовании ее ничего не знал. С Болдыревым [Лаксбергом и Шавровым знаком домами]; с Красновым, Черемных и Холостовым – по службе”.

Это было 15/IV; через месяц, 15/V, мне дали очную ставку с Красновым, и он, наглец, не краснея показал, что, “со слов Болдырева, я близко стоял к Центру”.

Я повторил буквально те же показания и в протоколе записано опять пять того же содержания строчек. В очной ставке с Болдыревым мне было отказано. 23/VIII в 5 ч. дня мне предъявили приговор ОГПУ, ст. 58, п. 2 и 11, и 10 лет в испр. труд. лагерях. Срок с 17/III.1933 г.

В 10 ч. вечера я в числе 13 ч[еловек] в тот же день очутился в стольпинском вагоне, а 1/IX уже на Соловках, без остановок и пересадки на материке. 2 недели я был на общих работах по уборке сена. Остальное время и по настоящий день работаю в химлаборатории, сначала в качестве инженера-химика, а с [1/XI] в качестве заведующего. Я не буду описывать переживаний за весь период моей жуткой эпопеи. Все это свалилось, как доска о голову. Жил, работал и на тебе вдруг – финал. Погодаеву (мой основной следователь, который в присутствии прокурора объявил мне приговор) я сказал: “И Вам не стыдно”. Его ответ: “Ничего, Брянцев, Вас выручит Ваша специальность”. Я Вам это все пишу, чтобы Вы знали, что я ни на какие подлости и оговоры ни сам не пошел, ни других не впутал, как это сделало большинство подавляющее публики. Долгое время я не мог придти в себя, так как казалось мне, или я с ума сошел, или кругом меня публика сумасшедшая. Но человек, не в пример другим животным, все переносит.

Из условий на Соловках я, пожалуй, нахожусь в одних из наилучших. <...> В числе химиков работает с 1/IX прибывший на остров из Нижнего профессор Литвинов Р.Н. Это мой то-

варищ по Варш[авскому] институту. 20 лет я с ним не встречался и встретился после Варшавы на Соловках. Ну и встреча! В жизни все бывает! Часто вспоминаем минувшие дни. <...>

Долго ли я буду на Соловках – ничего не знаю. До сих пор я, полагаю, нахожусь в категории “запретников”. Запретникам не дают свиданий, а тем более их не вывозят на материк, пока Москва не снимет запрета. <...>

Но в связи с нашими успехами по соц. строительству весьма благоприятным положением, внутренним и внешним, ликвидировано ГПУ, организован НКВД. Это все повлечет большие перемены в отношении заключенных. Я думаю, что до закрытия навигации меня вывезут для более разумного использования. – Но инициатива в этом [не] принадлежит ни мне, ни нашему Соловецкому руководству. С точки зрения моей аттестации, полагаю, все благополучно. Мне каждые три месяца как ударнику засчитывают 30 дней. Если ориентироваться на эти темпы, то набегит за 10 лет $2\frac{1}{2}$ года! <...>

Специальность, действительно, помогала Брянцеву выжить в условиях концлагеря. Он быстро включился в научно-организационную работу: руководил химико-биологической лабораторией, был инициатором научного изучения проблемы комплексной переработки бурых водорослей. Научные работы, которые он проводил совместно с П.А.Флоренским и Р.Н.Литвиновым, позволили создать промышленную установку по производству альгината натрия – заменителя импортного агар-агара.

Однако ни производственные успехи всего коллектива, ни громадный личный вклад в них не помогли избежать страшного финала: 9 октября 1937 г. особой тройкой УНКВД ЛО Николай Яковлевич Брянцев был приговорен к высшей мере наказания и 27 октября 1937 г. расстрелян в урочище Сандормох в Медвежьегорском районе Карелии.

Реабилитирован в августе 1958 г. – Э.Г.Брянцева добилась полной реабилитации мужа.

Письма Н.Я.Брянцева из заключения, его научные труды бережно хранятся в семейном архиве Брянцевых.

И.Н.Брянцев, Н.В.Брянцева

Вангенгейм Алексей Феодосьевич. 1929 г.

Вангенгейм Алексей Феодосьевич

Алексей Феодосьевич Вангенгейм родился 23 октября (4 ноября по н.ст.) 1881 г. В 1899 г. Алексей окончил Орловскую гимназию и изъявил желание поступить в Московский университет. В июле 1899 г. Алексей Вангенгейм со средним баллом $4\frac{2}{12}$ был принят в число студентов Московского университета на математическое отделение физико-математического факультета. После зачисления с него, как и со всех студентов, взяли подписку¹:

«На основании распоряжения г. Министра народного просвещения от 21 января 1887 года обязуюсь во время пребывания моего в Университете не принимать участия ни в каких сообществах, как, например, землячествах и тому подобных, а равно не вступать даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства. При сей подписке мне объявлено, что за нарушение ее я подлежу удалению из Университета.

Студент 1-го курса математического отделения физико-математического факультета Алексей Вангенгейм»

Однако вскоре, в начале 1901 г., в Университете начались студенческие беспорядки, в которых принимал участие и студент 2-го курса А.Вангенгейм, с юности примкнувший к РСДРП. На допросе 1 февраля 1901 г. он заявил, что «был на сходке 29 января, чтобы выразить сочувствие товарищам; в сходке принимал участие только в голосовании; с постановлением сходки касательно обструкции, равно как и с другими постановлениями ее согласен; в принципе против насилия, но считает возможным и компромиссы»².

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 79. Д. 1945. Л. 11.

² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 514. Д. 51. Л. 262об.

За участие в беспорядках Алексей Вангенгейм 29 января 1901 г. был подвергнут выговору с предупреждением и дал обязательство подчиниться всем университетским правилам. Однако в феврале 1902 г. он был исключен из университета и осужден на 6 месяцев тюремного заключения. Во время вынужденного перерыва в учебе он жил в имении отца в Курской губернии.

11 декабря 1902 г. и 26 августа 1903 г. А.Вангенгейм подавал прошения о зачислении его вновь в Московский университет, но получал отказ. Военскую повинность отбывал в 1903 г. в г. Карачеве Орловской губернии в качестве вольноопределяющегося 8-й батареи 36-й артиллерийской бригады. 30 мая 1904 г. он вновь обратился к ректору Московского университета с просьбой выслать документы о переходе на 3-й курс с отметками для подачи в Киевский политехнический институт императора Александра II. Эту просьбу удовлетворили, и 28 июля в Киев из Москвы была выслана справка о том, что А.Вангенгейм переведен на 5-й семестр.

30 сентября 1906 г. Алексей Вангенгейм, прослушавший семь семестров физико-математического факультета по математическому отделению, обратился с прошением к председателю физико-математической испытательной комиссии при Московском университете, в котором просил допустить его держать государственный экзамен в осенней сессии 1906 г. Его допустили к испытаниям, и он успешно их выдержал.

23 октября 1907 г. А.Ф.Вангенгейму был выдан диплом I степени¹.

По окончании Московского университета А.Ф.Вангенгейм поступил в Московский сельскохозяйственный институт (ныне Московская сельскохозяйственная академия), который окончил в 1909 г. После окончания института Алексей преподавал математику в реальном училище и женской гимназии г. Дмитриева. В 1906 г. Алексей Феодосьевич вступил в брак с учительницей истории и географии Дмитриевской женской прогимназии Юлией Васильевной Болотовой, в 1908 г. у него родилась дочь Кира, ставшая известным психиатром, доктором медицинских наук (1953), профессором.

В 1911–1913 гг. А.Ф.Вангенгейм заведовал центральной метеостанцией гидрометеорологической службы Каспийского

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 79. Д. 1945. Л. 10.

моря. Результатом работы стал печатный труд «Падение уровня Каспийского моря в 1910 году в связи с колебаниями его в 1900–1909 и 1911–1912 годах по наблюдениям в Петровском порте» (Петроград, 1914).

Первая мировая война прервала работу А.Ф.Вангенгейма, он был призван в ряды действующей армии и назначен на должность начальника метеослужбы 8-й армии, затем Юго-Западного фронта в чине полковника. За организацию газовой атаки против австрийцев награжден золотым оружием. Алексей Феодосьевич составил «Краткий курс газовой метеорологии» (1916).

После Октябрьской революции Вангенгейм работал в г. Дмитриеве инспектором народного образования. В 1919 г. он организовал Дмитриевский музей родиноведения и стал его первым заведующим.

В июле 1921 г. А.Ф.Вангенгейм назначен уездным агрономом. В этот период восстанавливались метеорологические станции Дмитриевского уезда, разрушенные в годы Гражданской войны. Хозяйственные заботы о станциях входили в число обязанностей уездного агронома.

В Курской губернии А.Ф.Вангенгейм работал до 1922 г.

По приезду в Петроград Алексей Феодосьевич стал работать синоптиком в отделе долгосрочных прогнозов погоды Главной физической обсерватории (ГФО) под руководством Б.П.Мульгановского. 10 февраля 1924 г. в ГФО состоялось заседание ученого совета, посвященное памяти В.И.Ленина, на котором выступил с докладом и А.Ф.Вангенгейм, подчеркнув важность предсказания погоды для хозяйственной жизни страны. 14 октября 1924 г. на заседании метеорологической комиссии Русского географического общества Б.П.Мульгановский доложил «Метеорологические условия ленинградских наводнений». А.Ф.Вангенгейм там же выступил с докладом «Метеорологические условия наводнения 23 сентября 1924 года», демонстрируя ряд синоптических карт, которые имелись в распоряжении Главной геофизической обсерватории (ГГО), но не давали оснований для прогнозирования случившегося подъема воды, ставшего настоящим бедствием для жителей города.

В начале 1925 г. к исполнению обязанностей приступило новое правление ГГО под руководством директора, профес-

сора А.А.Фридмана. Его помощником был назначен А.Ф.Вангенгейм. 25 марта того же года на общем собрании служащих ГГО делегатом в Ленинградский совет от обсерватории избран А.Ф.Вангенгейм. Это был первый случай избрания метеоролога в законодательное собрание. Наказ коллег своему делегату заключался в устранении распыленности метеорологии между различными ведомствами.

В конце 1925 г. Алексей Феодосьевич развелся с Юлией Васильевной и переехал в Москву. Вторым браком он женился на Варваре Ивановне Кургузовой, с которой познакомился ранее в г. Дмитриеве, где они оба принимали активное участие в организации народного образования.

С 1926 г. Алексей Феодосьевич начал работать в аппарате Главного управления научными, научно-художественными, музейными и по охране природы научными учреждениями (Главнауки) Наркомпроса РСФСР в должности замначальника по научным учреждениям. У Алексея Феодосьевича сложились добрые отношения с руководством Наркомпроса, в который входила Главнаука, – наркомом А.В.Луначарским, замнаркома М.Н.Покровским, председателем Главполитпросвета при Наркомпросе Н.К.Крупской. Алексей Феодосьевич обладал пропуском на свободный вход в Кремль на все заседания правительства, был лично знаком с В.И.Лениным. В его квартире бывали М.Горький и известный полярник О.Ю.Шмидт.

В 1928 г. А.Ф.Вангенгейм был избран профессором Московского университета, принят в ряды ВКП(б), хотя в членах РСДРП состоял еще до революции. С 1929 по 1934 г. был членом президиума Государственного ученого совета.

9 апреля 1929 г. СНК СССР признал необходимым объединение руководства гидрометеорологической службой в едином союзном органе, 7 августа 1929 г. было принято постановление об организации Гидрометеорологической службы СССР. А 28 августа председатель Совнаркома СССР А.И.Рыков подписал постановление СНК СССР о Гидрометеорологическом комитете (ГМК). 31 октября 1929 г. были произведены первые назначения в комитете, председателем которого стал А.Ф.Вангенгейм.

1 января 1930 г. в Москве начало работу Бюро погоды СССР, организация которого стала одним из важных мероприятий только что созданного ГМК СССР.

20 мая 1930 г. Совнарком СССР принял решение об участии Советского Союза в проведении Второго Международного полярного года (II МПГ). Руководство работами по подготовке и проведению II МПГ в СССР было возложено на Гидрометеорологический комитет СССР. Советский комитет по проведению II МПГ возглавил А.Ф.Вангенгейм. Алексей Феодосьевич считал, что для СССР вопросы, касающиеся арктического магнетизма, северного сияния, метеорологии, аэрологии и включаемых ими актинометрии, атмосферного электричества, климатологии и пр., теснейшим образом связываются с вопросами гидрологии. Он доказал необходимость включения их в программу II МПГ, а также и некоторых других. К работе были привлечены представители всех крупнейших научных учреждений страны.

ГМК СССР, на который было возложено проведение II МПГ с советской стороны, под руководством А.Ф.Вангенгейма успешно справился с поставленными задачами. О появлении новых пунктов наблюдений и проведенных морских экспедициях дают представление карты в статье А.Ф.Вангенгейма «Достижения Второго Международного полярного года в 1932 году», опубликованной в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1933, вып. 3).

На конец сентября 1933 г. был запланирован первый полет стратостата «СССР» для изучения верхних слоев стратосферы. Профессор А.Ф.Вангенгейм в статье «Новые перспективы» подчеркнул: «...мы располагаем новой усовершенствованной аппаратурой, созданной специально для стратостата “СССР”: а) метеорографы проф. Молчанова с записями температуры, влажности, давления воздуха, с вентиляцией, без отказа действующей во все время полета, со специально приспособленным для низких температур часовым механизмом и с перестраховкой движения часов с помощью особого пропеллера; б) приборы для взятия проб воздуха системы М.И.Гольцмана, действовавшие без отказа на высоте; в) специальный барометр системы проф. С.И.Савинова и Третьякова». Полет состоялся 30 сентября 1933 г. Во время полета был установлен мировой рекорд подъема – стратостат достиг высоты 19 км, а затем благополучно приземлился. Об участии гидрометеослужбы в обеспечении этого рекордного подъема Алексей Феодосьевич вспоминал в письме с Соловков от 9 июля 1935 г.

В 1929–1930 гг. А.Ф.Вангенгейм – член совета Всероссийского общества охраны природы. В сентябре 1929 г. он принимал участие в Первом Всероссийском съезде по охране природы, выступив с докладом «Охрана природы и социалистическое соревнование», в 1930–1931 гг. состоял заместителем председателя Центрального бюро краеведения (ЦБК).

К осени 1933 года завершился II МПГ, в ходе которого была реализована крупномасштабная национальная программа СССР по изучению Севера. Предстояла научная обработка полученных результатов. Алексею Феодосьевичу исполнилось всего 52 года. Набирала обороты созданная им служба, которую он возглавлял уже пятый год. 5 ноября 1933 г. администрация, ячейка ВКП(б) и местком Центрального управления Единой гидрометслужбы СССР по случаю 16-й годовщины Октябрьской революции наградили его «как лучшего ударника производственной и общественной работы» грамотой. Конец года у него был занят подготовкой отчета правительству об участии СССР во II МПГ.

На 8 января 1934 г. Алексей Феодосьевич с супругой взяли билеты в Большой театр и договорились встретиться у входа. Однако Варвара Ивановна не дождалась мужа, в этот день его арестовали. 20 января ему было предъявлено обвинительное заключение «по делу о контрреволюционной вредительской организации в гидрометслужбе»:

«Вангенгейм Алексей Феодосьевич, 1881 года рождения, член ВКП(б), бывший начальник Центрального Управления Единой Гидрометслужбы Союза, бывший дворянин, подданный СССР, женат, под судом и следствием не был. Арестован 8 января 1934 г. Содержится во Внутреннем Изоляторе ОГПУ. Обвиняется в том, что:

1. Организовал контрреволюционную вредительскую работу в Гидрометслужбе СССР, завербовал для этой цели сотрудников Центрального Управления Единой Гидрометслужбы и Центрального Бюро Погоды Крамалея И.И., Лорис-Меликова М.Л., Назарова Г.С.;

2. Вел разведывательную* работу, собирая через специалистов Ленинградской Гидрометслужбы Васильева и Мацейко секретные сведения в целях шпионажа;

3. Руководил контрреволюционной вредительской работой в ГМС, выразившейся:

а) в составлении заведомо ложных прогнозов погоды с целью срыва и дезорганизации сельскохозяйственных кампаний;

б) в умышленном срыве засухосуховейных станций и тем самым выполнения заданий правительства по борьбе с засухой;

в) в умышленном развале сети гидрометстанций, чем было дезорганизовано гидрометеорологическое обслуживание народного хозяйства – сельского хозяйства, транспорта, авиации;

г) в срыве организации гидрометстанций в МТС и сети гидрометкорреспондентов в колхозах;

д) в срыве научно-исследовательской работы системы ГМС по засухе и другим вопросам, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 6 и 7 УК.

Виновным себя не признал, но изобличался рядом показаний Крамалея, Лорис-Меликова и Васильева.

Москва, 1934 г., января 20 дня, я помощник начальника 8-го отдела ЭКУ ОГПУ Газов Л.П., рассмотрев следственный материал по делу и приняв во внимание, что гр. Вангенгейм А.Ф. достаточно изобличается в том, что является членом контрреволюционной организации в системе Гидрометслужбы Союза, проводящей активную контрреволюционную подрывную шпионскую работу, постановил: Вангенгейма А.Ф. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58-7 – 58-6 – 58-11 УК».

При допросе П.Г.Васильев дал показания, что А.Ф.Вангенгейму были переданы шпионские сведения для передачи иностранному государству:

- о стратегических пунктах в районе Копорской губы – артиллерийские батареи на Нанисари и Колгамии;
- план Андрусовой бухты, план о-ва Сухо.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 27 марта 1934 г. А.Ф.Вангенгейм был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 58-7, считая срок с 8 января 1934 г. Вместе с тем слушание дела по обвинению по ст. 58-6 было отложено до решения дела по обвинению Васильева и др. В связи с этим отправка А.Ф.Вангенгейма из Москвы на Соловки была задержана.

8 мая 1934 г. со спецконвоем Алексей Феодосьевич был отправлен в Кемь и 10 июня 1934 г. доставлен пароходом на Соловецкие острова в Белом море.

9 октября 1937 г. постановлением особой тройки УНКВД ЛО по ст. 58-б за принадлежность к буржуазно-националистической организации «Всеукраинский центральный блок» Алексей Феодосьевич Вангенгейм был приговорен к высшей мере наказания.

3 ноября 1937 г. расстрелян в урочище Сандормох (Карелия).

23 июня 1956 г. А.Ф.Вангенгейм был реабилитирован решением ВК ВС СССР.

«В том, что сохранились письма отца, – писала Элеонора Алексеевна Вангенгейм, – огромная заслуга мамы. Я помню их с раннего детства. Когда они приходили, естественно, вслух мама зачитывала лишь адресованные мне строчки. Затем письма тщательно и надолго спрятала. Только после смерти мамы, разбирая домашний архив, я обнаружила пожелтевшие стопки писем. Читать письма отца к маме было тяжело. Они наполнены безграничной любовью и заботой о нас. Безысходная боль из-за невозможности общения с семьей, оторванности от любимого дела сквозит в каждом письме. <...> Письма, наряду с публикациями и архивными материалами, помогли восстановить биографию отца»¹.

¹ Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм. С. 147.